

НИНА ТАРАСОВА

Сквозь ПЫЛЬ ВЕКОВ

Один
рецепт
на двоих

Нина Тарасова

СКВОЗЬ ПЫЛЬ ВЕКОВ.

Один рецепт на двоих.

<https://litres.ru/74327433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — хроника невозможного.

Мари-Антуан Карем закладывал фундамент кулинарии в XIX веке. Современный кондитер Агата возвращает к жизни его чертежи, переводя старинные смыслы на язык эстетики. Но сильнее времени оказалось одиночество. Они одинаково горели в огне перфекционизма, зная: их дело — не ремесло сытости. Это искусство, требующие самоотречения.

Но между ними пропасть в 200 лет.

Когда она взяла в руки его чертежи, время дало трещину, забросив Агату в 1819 год. Он узнал ее по неугасаемому блеску в глазах. Она узнала его по властному, бесконечно родному жесту.

Этот роман о том, как мастерица сахара и света нашла человека, способного разделить ее кулинарное безумие. Она шагнула в его тень, чтобы стать его голосом в будущем, а он перестал быть одиноким титаном, найдя приют у ее огня.

Перед вами задокументированный диалог сквозь пепел веков — один рецепт на двоих, написанный в четыре руки. Вы

приглашены к их очагу. Помните: истинная страсть никогда не превращается в пепел.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Нина Тарасова

Сквозь пыль веков.

Один рецепт на двоих.

Глава

Посвящение

Мари-Антуану Карему,
Королю поваров и повару Королей.
Человеку, который строил вечность из сахара и муки.

Я никогда не держала Вашей руки. Никогда не стояла рядом у Вашей печи. Никогда не слышала Вашего настоящего голоса. Только тот, что сохранили пожелтевшие страницы Ваших книг.

Но я стояла у Вашего огня. Я видела, как Вы склонялись над чертежами в голодном Париже. Я слышала, как Вы кашляли в сырых трюмах балтийских кораблей. Я чувствовала Ваше одиночество среди королей, которые не понимали, что

Вы готовите не просто еду, а память.

Эта книга не моя. Она Ваша.

Я лишь держала перо, пока Вы диктовали мне через пространство, через пепел веков.

Я не хотела, чтобы Ваш след исчез. Я хотела, чтобы мир узнал Вас не по дешевым вымыслам, а по той правде, что Вы сами оставили в каждой строчке своих рукописей, в каждом чертеже Ваших сахарных храмов, в каждом рецепте, который Вы писали, зная, что вас, возможно, никогда не прочитают.

Я прочитала.

Я сохранила.

Я передаю дальше.

Если когда-нибудь Вы заглянете в этот мир сквозь время, знайте: Вы не были забыты. Ваша страсть не превратилась в пепел. Она стала светом.

С глубоким почтением и благодарностью,

Нина А. Тарасова (Криницына)

Кондитер, историк, Ваша ученица

ГЛАВА 1

Париж, 15 июня 1799 года. Полночь.

В комнате пахло прогорклым маслом и сыростью. На столе, покрытом пятнами старого вина, лежала раскрытая книга. Это был трактат Витрувия, который Мари-Антуан выме-

нял на две буханки хлеба у букиниста на набережной. Он сидел на деревянном табурете, сжимая в пальцах почти истертый уголек, и перерисовывал на клочок серой бумаги чертеж римской базилики.

Его пальцы дрожали от голода. За стеной кто-то надрывно кашлял, по-стариковски. Карем даже не вздрогнул. Он уже привык к этому звуку за два года жизни в доходном доме, где даже мыши сдохли от голода, а люди от отчаяния.

Снаружи доносились крики: где-то поблизости опять схватили жирондиста. Топот сапог по булыжной мостовой, звон разбитого стекла, женский визг. Революция дышала в спину каждому парижанину, но юному повару было не до политики. Он смотрел на линии, вычерченные рукой древнего римлянина, и видел в них не колонны и своды, а форму будущего торта.

«Шесть слоев бисквита, — думал он, — абрикосовое мармеладе, золочение сахарными нитями. Главное удержать высоту, чтобы конструкция не рухнула».

Мальчик, которому только исполнилось пятнадцать, уже знал: его спасет не хлеб и не кров, его спасет красота. Красота, которую он создаст из муки, яиц и сливочного масла. Красота, которая переживет королей.

Он вытер лоб тыльной стороной ладони, оставляя черный след от угля, и снова склонился над чертежом.

За окном проплыла факельная процессия, кто-то тащил телегу с телами. Мари-Антуан не повернул головы.

Он был слишком занят. Он строил вечность.

Скажи мне, что ты ешь,
И я скажу тебе, кто ты.
Жан Антельм Брийя-Саварен

Очень редко, но случается: человек рождается с уже зажженным внутри огнем. Моцарт мог написать симфонию, когда ему было пять лет. Эйнштейн был малышом, когда впервые проявил интерес к теории относительности. Микеланджело играл с молотком и долотом еще в кроватке. Даже в профессии кондитера есть звезды, где природный талант и интуиция слились воедино при рождении. К примеру, Филипп Контисини, прекрасный современный кондитер и чудесной души человек. А Пьер Эрме, который сейчас имеет титул «Пикассо кондитерского искусства», начал изучать мастерство, когда ему было четырнадцать. Мари-Антуан Карем же начал работать с одиннадцати лет... Ох, Карем...

Я не скажу, что готовила всю жизнь и что одним из первых воспоминаний из детства является мой смутный образ, окутанный дымкой муки. Нет. Как многие, закончила университет, получила опыт в крупных компаниях. Есть чем гордиться? Не знаю, но то, что каждую секунду своей жизни чувствовала себя несчастной — да.

Скажите, знакомая ситуация: вы просыпаетесь с утра и думаете: «Так, может у меня что-то болит сегодня и можно от-

проситься с работы?»

Из этих мыслей состояла моя жизнь. Тогда и стало понятно: я занимаюсь не тем.

Однажды, просто проснулась в свои неполные двадцать четыре года и подумала: «А почему бы не приготовить что-нибудь особенное?» И это «особенное» как-то так удалось, что я решилась пуститься «во все тяжкие сладкие удовольствия». Готовила, пробовала, экспериментировала, сочетала, вычеркивала, рисовала, выстраивала схемы, снова пробовала и наслаждалась результатом.

А потом случилась Франция. Она была и остается для меня страной-открытием в мире кулинарного мастерства. Что бы там ни говорили про другие страны, каждый имеет право на свое мнение, но для меня Франция, это не только страна, которая возвела еду в культ и искусство, не только место качественных продуктов и мировых звезд кулинарии, это... страна моей души. Каждый раз, когда схожу с трапа самолета, у меня сразу наступает такое непередаваемое спокойствие, как будто оказалась дома после долгой-долгой разлуки и вот сейчас все точно будет хорошо.

Поэтому выбор, в какой стране постигать эту тончайшую и прекрасную науку, даже не стоял. Я жила вдохновением от прочитанных книг французских гениев и, конечно же, хотела прикоснуться ко всему, что было на грани магии.

Но знаете ли вы, что очень тяжело следовать за своей мечтой? И в то же самое время, как же жить иначе, если нет ни-

какой цели? Что делать, если это из себя не достать и не выкинуть? Я засыпала с мыслями о десертах. Болела и видела образы тортов в полубреду, безмолвно лила слезы в подушку, потому что не могла взять и встать прямо сейчас, пойти на кухню воплощать идеи из-за слабости, озноба и температуры. Мне снились новые идеи сборки и украшений, комбинаций вкусов, и я только успевала записывать в блокнот, что всегда лежал под подушкой. Нормально ли все это? Опять же, не знаю, но жить иначе уже не могу.

Сейчас каждый мой день — это счастье. Оно рождается глубоко внутри и согревает своим теплом до самой ночи. Я оказалась на том самом месте, где обрела приют. Рабочее время, даже если это двенадцать – шестнадцать часов на ногах, проходит на одном дыхании. И лишь хочу заснуть скорее, чтобы на утро проснуться и все повторить.

Но это счастье стало и моим проклятием. Бывало ли у вас такое, что вы в своей профессии, в своей страсти, в смысле своей жизни достигаете такого уровня, когда не можете найти человека, с которым можно было бы все это обсудить и быть понятым? Это, как если бы вы прочитали новую книгу, посмотрели любимый фильм и остались в тишине. Никто не читал, никто не смотрел и даже не хочет попробовать понять. А ваш голос внутри кричит, связанный невидимой смирительной рубашкой, бьется о мягкие стены, но никто никогда не услышит.

На несладострастного человека
не действует поварское искусство.
Мари-Антуан Карем

Мой рабочий день начинается в шесть утра, чтобы к открытию кондитерской витрина уже благоухала свежей выпечкой и пирожными, а спешащие на работу люди успели купить полюбившиеся десерты для начала нового прекрасного дня.

Исторический центр Петербурга еще только просыпался, когда сквозь панорамные окна кондитерской хлынул мягкий утренний свет, отражаясь от глади набережной. Внутри царил воздушный, сдержанный минимализм, едва тронутый теплым блеском меди и латуни.

За кассовой стойкой стоял бариста Павел. Симпатичный двадцатичетырехлетний парень, чьи руки покрывала искусная вязь татуировок. Привычным движением он протирал холдер кофемашины. Однако мысли его были далеки от работы: взгляд то и дело гипнотизировал стеклянную дверь, ведущую на кухню.

Моя походка, быстрая, собранная, не допускающая возражений, мгновенно разрешила тишину зала, стоило лишь мне войти в помещение. Прижимая к груди планшет с технологическими картами, прямым ходом направилась к витрине.

Павел тут же подобрался. Он поспешно поправил фартук и сделал шаг навстречу, расплываясь в мягкой, едва робкой улыбке:

— Доброе утро, Агата Никодимовна. Вы сегодня невероятно рано. Я как раз настроил помол под ваш любимый колумбийский сорт. Сделать флэт уайт? Могу наколдовать на пенке что-нибудь особенное... для хорошего настроения на весь день.

Я даже не повернула головы. Замерев у стеклянной витрины, принялась изучать ровность рядов заварных пирожных «Шу» с дотошностью ювелира. Под моим строгим, сканирующим взглядом Павел заметно стушевался.

— Доброе утро, Павел, — мой голос прозвучал сухо и ровно. — Рисунки на пенке оставьте для блогеров. Мне нужен двойной эспрессо в кондитерский цех для торта «Опера». И, пожалуйста, выровняйте ценники на муссовых пирожных. Они стоят под углом в сорок пять градусов, а должны быть строго параллельны краю полки.

Павел тихо вздохнул, тщетно пытаясь спрятать за улыбкой легкую досаду:

— Агата Никодимовна, но ведь гости смотрят на сами пирожные, а не на градус наклона картона. Вы слишком строги к мелочам.

— В моем заведении мелочей нет, — резко развернулась к нему, обдав ледяным взглядом. — Из этих «мелочей» и складывается репутация бренда. Если вы не способны выста-

вить бумагу по линейке, как я могу доверить вам давление в кофемашине? Кофе, пожалуйста. Жду в цеху через две минуты.

Жесткая подошва рабочих сабо мерно застучала по плитке, и я скрылась за матовой стеклянной дверью. Павел разочарованно качал головой, потянувшись к металлическому питчеру.

— Не женщина, а швейцарский хронометр, — едва слышно прошептал он себе под нос. — Никакой живой искры.

У каждого члена моей команды свои обязанности, и все работает как часы: заглазировать пирожные и выставить их на подложку; испечь хлеб и сделать сэндвичи; затем в печь идут состоявшиеся пышные круассаны и улитки с изюмом. Остается только выставить печенье, нарезать торты на аккуратные кусочки, и подготовка к открытию закончена. Дальше...

От планирования программы на день меня оторвал звонок телефона. Ненавижу, когда звонят в рабочее время, потому что надо брать трубку, а это в корне нарушает санитарные нормы.

— Агата! — раздался не по-утреннему звонкий и бодрый голос моей подруги Ларисы. — Ты же помнишь про сегодняшний вечер? Знаю, что не помнишь, опять вся в своих пирожных. От работы кони...

— Я все помню. У меня записано.

— Ох, ты ж мой человек-план, — рассмеялась она, — да-

вай, вихрем заканчивай припылять и припудривать булочки и начини уже припудривать свою милую мордашку!

— До вечера, — мягко ответила я, убрала телефон и пошла дезинфицировать руки.

Вечер обещает быть томным. Но отказать Ларисе не могла. Схожу на час для приличия, а потом откланяюсь, сославшись, как всегда, на ранний подъем.

— Агата Никодимовна, если вы продолжите так гипнотизировать этот бисквит, он либо сам научится ходить, либо у нас крем пойдет трещиной. — Маруся, моя старшая помощница, с глухим стуком опустила на стол тяжелую металлическую дежу с остатками ганаша.

Даже не повернув головы, я продолжала выравнивать шпателем идеальный радиус торта. Кондитерский цех жил своей привычной жизнью: шумели конвектоматы, пахло топленым шоколадом, и этот ритмичный, механический мир был моей единственной безопасной зоной.

— Я не гипнотизирую, Маша. Я контролирую кристаллическую решетку какао-масла, — сухо отозвалась, аккуратно снимая излишки крема с металла. — Если температура упадет хотя бы на градус, глянец уйдет. А перфекционизм, как ты знаешь, не прощает ошибок.

— Перфекционизм — это диагноз, — Маруся фыркнула, ловко счищая скребком остатки миндальной муки со столешницы. — Вы из-за своего «глянца» скоро спать разучитесь. Ладно работа, но вы и к людям так же относитесь. По-

нятно Володька, но вчера этот парень на кассе... Он же на вас смотрел как на божество, а вы ему лекцию про виды сахаров прочитали.

На секунду пришлось остановиться, так как дрогнула рука. Воспоминание о вчерашней неловкой встрече кольнуло где-то под ребрами, но я привычно выставила ментальный щит.

— Потому что парень на кассе бредил банальными штампами. Любви, которую ты имеешь в виду, в том пошлом виде, как ее малюют в дешевых романах, не существует, Маш. Есть электрохимические импульсы, дофаминовый всплеск и окситоциновая привязанность. Мозг просто играет с нами в эволюционные игры, чтобы мы не вымерли. Это чистая биохимия.

— Да не может быть все так «логично», шеф, родненькая, вы же не робот. Вы человек искусства. Вашими словами — «гуманитарий». А такие люди близки к поэзии, романам, театрам, музыке! И как раз во всех этих трудах воспевается любовь.

— Вот именно, «воспевается». Такое, м-м-м, красивое понятие придумали люди для людей, чтобы «романтизировать» отношения, брак. Ведь надо же как-то способствовать тому, чтобы юные дамы говорили: «Уж замуж невтерпех»? Вряд ли тут сработают такие слова, как «расчет», «династия», «укрепление союзов стран» в средневековье. Надо что-то более поэтичное, невесомое и неосязаемое. Но все,

что есть на самом деле, — это привязанность, уважение, «долг» и «обязательства», есть «привычка», есть гормоны, есть мифичность принятия, что необходимо быть «как все».

С нежностью взглянув на выровненный бок торта, продолжила:

— Любовь придумали давно, потому что, как поется в твоей любимой песне: «Мы все нуждаемся в том, чтобы во что-то верить». Когда вера в Бога была надломлена, что оставалось людям во все времена? Придумать себе нечто еще более иллюзорное, к чему не прикопаться, чему сложно найти логичное объяснение. И появилась «Любовь»! Сразу становилось легче жить. Ее описывали в тех самых книгах, на которые ты ссылаешься, ей посвящали стихи и целые «поэмы», практически «обоожествляя», вознося на пьедестал жизненного смысла. А люди, прикрываясь любовью, продолжали и продолжают использовать друг друга в своих целях. Потребление, не более.

Маруся медленно положила скребок, оперлась ладонями о металлический стол и посмотрела на меня с такой чисто женской проницательностью, что мне захотелось спрятаться за пароконвектомат.

— Агата, дай Боже вам сил и разума, Никодимовна, — тихо, чеканя каждое слово произнесла она. — Расскажите про биохимию и «потребительство» кому-нибудь другому. Но я отлично помню прошлый ноябрь. Кто плакал здесь в три часа ночи, заперевшись в сторожке в обнимку с мешком муки

высшего, на минуточку, сорта? В то самое время, когда этот ваш «дофаминовый всплеск» собирал чемоданы и уходил к другой? Мозг с ней играет... Вы живая. Просто трусите признать, что ваша броня из шоколада и точных расчетов иногда тоже трещит по швам.

В цеху повисла тишина, нарушаемая только мерным гулом холодильников. Удар попал точно в цель, в самый центр моей тщательно оберегаемой бездны одиночества.

Мне хотелось провалиться сквозь тщательно намытый пол. Руки больше не могли держать спатулу. Но я знала, где можно найти спасение.

— Мне надо посмотреть рецепт для следующего десерта. Забыла пропорции.

— Да, да, конечно, забыла она, — проворчала Мария, принимая у меня эстафету по выравниванию торта, — сбегаете, как всегда.

Дверь маленькой шефской захлопнулась за моей спиной с мягким, но глухим щелчком. Этот звук обычно означал спасительную отсечку от шума производства, но сегодня он прозвучал как приговор.

Я стояла в полумраке своего кабинета, прижавшись спиной к прохладному матовому стеклу, и тяжело дышала. Воздух здесь был особенным: пропитанным ароматом любимого горького шоколада, обжаренного фундука и едва уловимой ноткой стручков таитянской ванили, которая намертво

въелась в стены. Обычно этот запах убаюкивал, но в эту минуту он казался чужим.

Внутри все горело от высказанной правды, попавшей в самое сердце. Правда, брошенная в лицо всего несколько минут назад, до сих пор гремела в ушах. Она знала, куда бить. Без промаха, расчетливо, прямо в те шрамы, которые я так тщательно прятала под накрахмаленным поварским кителем. Они ковырнули самое уязвимое — мою уверенность. Глаза нещадно щипало. На мгновение показалось, что если сейчас моргну, то злые слезы хлынут по щекам, смывая всю мою напускную непоколебимость. С трудом заставила себя широко их открыть и смотреть в потолок. Нет. Только не это. Я не имею права на эти глупости. Владелец кондитерского цеха не плачет. Стоит моей команде или, упаси, Боже, гостям заметить хоть тень надлома на лице, и карточный домик авторитета рухнет. В этом бизнесе жалость приравнивается к профнепригодности. Страх сдавливал грудную клетку, шепча на ухо: «Ты всего лишь девчонка, играющая во взрослую кухню. Девчонкой была, девчонкой и осталась. Слабачка».

Я судорожно вдохнула и обвела кабинет взглядом, ища, за что зацепиться, чтобы не упасть в эту бездну отчаяния. И увидела его. На дубовой полке, чуть в стороне от современных глянцевых сборников, лежал он. Тяжелый, потертый томик в дореволюционном переплете из темно-бордовой кожи с потускневшим золотым тиснением. Оригинальное из-

дание *Marie-Antoine (Antonin) Carême*¹. Настоящее сокровище, купленное мной на аукционе за безумные деньги, когда кондитерская еще была лишь мечтой. Мой спасательный круг.

Ноги сами двинулись к полке. Протянула руку и, все еще слегка подрагивающими пальцами, сняла книгу. Кожа переплета была шершавой, со сбитыми уголками, хранившими тепло сотен чужих рук, державших ее до меня. Я прижала томик к груди, как щит. От него пахло старой бумагой, сухими чернилами и... историей. Историей преодоления.

Опустив книгу на стол, бережно открыла посередине. Раздался тихий, сухой хруст старинного переплета. На пожелтевшей странице, испещренной изящным дореволюционным шрифтом, красовалась гравюра Карема: чертеж сахарной ротонды. Строгие линии, идеальные пропорции, чистая архитектура вкуса. Я провела подушечками пальцев по шершавой бумаге, по контурам рисунка, созданным человеком, который спал на кухонных скамьях, голодал, но перевернул весь кулинарный мир. Мальчишка, оставшийся один посреди улицы, не имевший ничего, кроме таланта и стальной воли. Разве ему не было страшно? Разве его не пытались сломать, унижить, указать на его происхождение? Еще как. Но он брал сахар, муку, масло, миндаль и возводил дворцы, заставляя королей преклонять перед ним колени. В этот момент внутри меня что-то щелкнуло. Дрожь в руках утихла.

¹ Мари-Антуан (Антонин) Карем.

Глубокий, ровный вдох вытеснил удушливый ком из горла. Глаза высохли. Эта книга была моим напоминанием о том, кто я есть и чье наследие несу в своих руках. Мое ремесло — это не просто выпечка. Это мой бронежилет. Мое искусство. Мое право на силу.

Закрыв томик Карема, аккуратно вернула его на полку и с нежностью погладила по корешку: «Спасибо тебе, мастер, за что, что незримо, но рядом со мной». Подойдя к зеркалу, поправила воротник кителя и завязала волосы в тугой, гладкий узел. Лицо было бледным, но спокойным. Никаких слез. Никакого страха.

Толкнув тяжелую дверь, шагнула обратно в ревущий, жаркий, пахнущий карамелью цех. Шеф вернулся к работе.

Я обвела пространство и вновь вздохнула спокойно. Все идет по плану.

— Начинка готова?

— А то! Мясная, зеленый лук с яйцом, картошка с морковкой, капустная, а также яблочки в карамели с изюмом и вишня, томленая с красным вином. В вишню осталось лишь шоколадную стружку добавить. Боюсь поспешить, как бы та не растаяла.

— Сейчас все сделаем.

Спокойствие опять вернулось в душу. Лучшее лекарство от любых бед и ран — работа. Стабильность можно обрести даже в мелочах: просто посмотри, как воздушное, легкое тесто шелковым комочком лежит в руках. А дальше, просто

дело техники: каждый шарик раскатать, выложить начинку и залепить края. Красота! Мы с Марусей, на этот раз молча, работали быстро и слаженно. Краем глаза я поглядывала на стажера. Вроде смысленный, следит за чистотой рабочего стола, работает четко, только по темпу отстает.

— Василий, ты медленный! — то и дело кричала я ему. Он пожимал плечами и продолжал катать слойку так же размеренно.

— А вы сегодня снова хотите сделать что-то вне меню? — наконец нарушила молчание моя су-шеф, объявляя о «мировой».

— Если останется время. Сейчас с нашими оборотами ничего не успеваю.

— А что вы сейчас изучаете?

— О... сейчас все свободное время изучаю книгу Карема...

— Того самого?

— Того самого, да. Перевожу «Парижский национальный кондитер, или Элементарный трактат и практика древней и современной выпечки». Ну, как современной, на 1815 год очень даже прогрессивной выпечки.

— Ух, хорошо вам, языками владеете... Но знаете, по-моему, опять ерундой вы занимаетесь. — Похоже, «мировая» на этом опять у нас закончилась. — Зачем копаться в прошлом, когда вы обучались во Франции и знаете все тенденции нашего времени.

Она сделала большой круг руками, как будто стараясь охватить все помещение.

— Понимаете, безусловно, что наша сфера не стоит на месте? Все развивается с колоссальной скоростью. Молекулы, текстуры, новые стабилизаторы, формы и вкусы, сочетания продуктов. Зачем не то что топтаться на месте, а идти назад? Вроде как, такое называется «деградация». У вас такой мозг, такие руки, землю перевернуть можете.

— Ничего ты не понимаешь. — На этот раз моя броня была толще, и я спокойно отвечала. — Только представь, двести с лишним лет назад, когда не было ни кухонных комбайнов, ни электропечей, ни раскаточных машин, ни интернета, чтобы подглядеть рецепт, ничего... у тебя была скалка, венчик, медная кастрюля и серебряная ложка, чтобы создавать невероятные шедевры и кормить королей. В то время творилась история мировой гастрономии, а знания об их физических и химических свойствах познавались только на практике. Неужели тебе неинтересно, с чего все начиналось? Само зарождение рецепта, с которым ты работаешь сейчас?

— Нет. Рецепт есть, он рабочий, гости довольны, что еще надо?

— Надо учиться постоянно, с оглядкой на прошлое смотреть в будущее. А языки, как ты сказала, которыми я владею: было бы желание, каждый может овладеть. Вот ты, вечерами, вместо того чтобы в телефоне залипать, могла бы так же взяться за книгу.

— А мне-то зачем? Не пригодится уже, тем более у меня есть вы, — засмеялась Маруся, — все переведете, растолкуете, научите, покажете.

— Странная ты, неужели нет никакой тяги к чему-то новому, самой добиться результата, сделать маленькое открытие?

— Нет, мне и так хорошо. Дело спорится, дело делается, всем вкусно. Да и денежка капает на счет.

Пирожки стройными рядами отправились в расстойку, а я взглянула на часы. К сожалению, сегодня придется уйти пораньше. Или к счастью, сбежать.

— Мария, оставляю тебя за старшую. На доске план, какие еще полуфабрикаты нужно за сегодня сделать. Мне надо идти.

— Хорошего дня и вечера. — Она так махнула рукой, что мука полетела во все стороны.

— Замывку завтра проверю, если что — спрошу с тебя.

— Все будет хорошо, бегите уже.

Захватив с собой свежезаглазированный торт, я выбежала на улицу. В нашу кондитерскую стояла небольшая очередь. Люди оживленно беседовали и рассматривали витрину через стекло. Сегодня все уйдут со сладким угощением, порадуют себя, свою семью, гостей дома и друзей.

Ох, друзей! Надо поторопиться.

Летний воздух смешивался с запахом раскаленного асфальта и реки, которая плыла мимо бегущих людей медлен-

но, почти лениво, словно старая гравюра, которую листают не спеша.

Я запрыгнула в машину и аккуратно поехала вдоль набережной. Солнце ласково играло в легкой ряби Невы, подмигивая солнечными зайчиками в окна старинных домов, а затем опускаясь на камень мягким золотом, подчеркивая трещины, сколы, следы времени. Люди спешили по своим делам, не замечая, какой у нас красивый город. По этим улицам ходили Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Ахматова. Запряженная тройка увозила во дворец императоров. История в каждом камушке гранита, в каждом узоре чугунной ограды.

Сквозь стекло город казался особенно хрупким и торжественным.

На мгновение подумала о том, что в этом городе нет ничего случайного. Все здесь память. Вода в реке несет отражение не только неба, но и прошедших лет, а чугунные ограды словно удерживают не столько пространство, сколько время. Петербург умеет быть величественным без громких жестов. Он просто существует, дышит и смотрит в ответ.

Машины трогаются, пробка растворяется, но это ощущение остается со мной: теплое, благодарное, похожее на признание в любви.

— Эй, ты что там, заснула, что ли?

Мне всюю сигналили. Я слишком глубоко погрузилась в свои мысли и пропустила зеленый цвет светофора. Вновь на-

жала на педаль газа и, уже не отвлекаясь, поехала на встречу с подругами.

На квартиру к Ларисе в элитном ЖК на Петроградке я смогла доехать только к шести вечера. Внутри было просторно, пахло дорогими интерьерными свечами, хорошим вином и той беззаботной пятничной свободой, от которой я давно отвыкла. Мои подруги устроились на огромном диване в гостиной и, судя по открытой бутылке «Просекко» и полупустой дизайнерской тарелке с сырами, начали праздновать без меня.

— Надеюсь, не опоздала?

Девчонки кинулись обниматься. Слышался смех, переплетающийся с музыкой. Она была знакомой, но в какой-то необычной обработке. Вивальди «Шторм», который звучал, как «рок» или даже ближе к жесткому «металлу». Необычно, современно. Лариса, яркая красавица в коротком платье с копной медных волос, забрала мою коробку с десертом и передала сестре, чтобы та поставила в холодильник.

— Спасибо за угощение, душа моя. Без твоего торта праздник не был бы таким сладким! Но на этот раз у тебя есть конкуренция!

— Кто-то еще принес десерт?

— Не совсем. Сегодня «главное угощение дня», «вишенка на торте» — мой сюрприз, который подготовила гостям. Ты

будешь в восторге!

— Вот это интрига, — рассмеявшись, я быстро сняла туфли и переобулась в пушистые домашние тапочки.

Мне всегда немного неловко в больших компаниях. Чтобы это скрыть, взяла гроздь винограда, всем улыбнулась и начала понемногу присматриваться к гостям. В центре внимания безусловно были именинница и ее сестра Кристина.

Лариса — трижды разведенная, владелица сети фитнес-клубов, женщина-ураган с безупречной стрижкой. Она управляла мужчинами так же жестко, как своими тренерами. Величественная наша «царица» сидела, утопая в шелковых подушках, в дорогом костюме, и лениво крутила в пальцах бокал, уже изучая что-то в телефоне. Кристи же, напротив, светилась тихим, почти раздражающим уютom: замужем со второго курса, двое детей, мягкий трикотажный кардиган и взгляд женщины, которая нашла свою тихую гавань и теперь искренне пыталась спасти из «шторма» всех остальных. Включая меня.

— Ну, что, наша кондитерская богиня, снизошедшая до простых смертных! — Лариса отбросила телефон и потянулась за новым бокалом. — Агат, ты бледная как просроченный маршмеллоу. Тебя там в цеху в рабство взяли? На, выпей, пока не упала на мой португальский паркет.

— У меня запуск новой линейки десертов, — я устало покосилась на пол, а потом буквально рухнула в кресло. — Всем привет.

— Агата, ты маньяк, честное слово, — Кристина сочувственно пододвинула ко мне поближе вазочку с виноградом. — Нельзя так. У тебя глаза уже, как две кофейные капсулы. Жизнь мимо проходит! Мы тебя месяц не видели. Ты заперлась в своем карамельном замке и даже на звонки через раз отвечаешь. Вот скажи, когда ты в последний раз была на настоящем свидании?

— Вы что, сегодня все сговорились? — Мой голос прозвучал слишком жестко и хлестко для непринужденного дружеского вечера. — Так, давайте сразу же меняем тему, — я прикрыла глаза и потерла переносицу. — И свидания мне не нужны.

— А мне сдается, — весело покачивая ножкой, сказала главная виновница торжества, — что кто-то просто трусиха. — Хитро прищурившись, она наклонилась ко мне и щелкнула пальцем по носу. — Чпоньк. Ты спряталась за свои точные весы и рецептурные карты от реального мира, потому что цифры тебя, в отличие от людей, никогда не предадут. Тебе так проще: взвесила до грамма и все под контролем. А живая, настоящая жизнь, она кривая, в ней рецептов нет.

— Вспомни Конфуция, — поправив на носу очки на манер кролика из «Винни Пуха», сказала Дарья, золотая медалистка и по совместительству моя одноклассница. Да, та самая уютная Дашулька, которая все еще носила очки из девяностых и цитировала классиков к месту и не к месту. Как и сейчас, она продолжила в своем стиле: — «Не ошибается

тот, кто ничего не делает. Но не ошибаться — это не значит ничего не делать».

Лара громко хохотнула, едва не плеснув игристого на свои шелковые брюки.

— Агат... Мы же любя. — Мягко сказала Кристина. — Просто, Лариска права: ты прячешься за работу от всех. Поэтому мы очень рады, — она пристально посмотрела на всех, ожидая дружных кивков, — что смогли тебя вытащить и отряхнуть от сахарной пудры сегодня. Хватит считать калории и граммы. Давай добавим в этот вечер немного глупости...

— И магии, — звонко перебила Лара. — Но об этом чуть позже.

— Договорились. Да начнется наш безумный девичник! В комнате уже был накрыт фуршет, разливали игристое, на канapé рубинами переливались икринки, в большой хрустальной вазе лежали ароматные ломтики ананаса.

Постепенно квартира наполнялась звуками: смехом, щелчками замков, шуршанием пакетов с подарками. Кто-то сразу ушел на кухню открывать вино, кто-то завис у зеркала, поправляя стрелки и помаду. Музыка играла фоном, еще осторожно, будто изучая, на что мы способны.

Мне нравился именно этот момент, когда разговоры пере скакивают с работы на бывших, с отпусков на странные сны и никто не знает, как закончится этот день. Лариса ходила счастливая и немного растерянная, как будто мысли ее бы-

ли не совсем с нами, принимая объятия, шутки и пакеты с бантами. В ее глазах было то особенное ожидание, которое бывает только в день рождения, даже если тебе уже давно не восемнадцать.

Где-то через час квартира стала теснее. Музыка играла уже настойчивее, кухня превратилась в центр вселенной, а балкон в место для разговоров «на пять минут», которые затягивались на полчаса. Мы сидели кто где: на подоконниках, на полу, вполоборота друг к другу.

Игристое мягко размывало границы. Кто-то включил старые треки, и мы вдруг начали подпевать, не заботясь о том, как это фальшиво звучит. В какой-то момент все оказались в одной комнате, танцуя так, как танцуют только среди своих: неловко, искренне, без зрителей. Как давно мне не хватало этой разрядки. На несколько часов забыть про поставщиков, расслоившиеся сливки, счета за аренду и просто отдаться звукам музыки и разговорам с подругами ни о чем и обо всем сразу.

И вдруг прозвучал хрустальный, чуть плачущий звон бокала, по которому несколько раз ударили изящной чайной ложечкой. Лариса встала, подняв руку вверх для привлечения внимания. Музыка стихла.

— Дорогие мои! Если вы думали, что вечер закончится обыденно с чаем в прикуску с, пусть и прекрасным, но все же тортом, то вы плохо меня знаете. Я подготовила для вас сюрприз. Никто из вас не обратил внимания, что одна дверь

в квартиру заперта на ключ?

— Мы подумали, что ты туда свалила все барахло, чтобы не убираться, вот дверь и не открыть, — рассмеялась Ольга, чуть не упав со стула. Все дружно подхватили, и еще несколько секунд смех не стихал в комнате.

— Ну, что же вы, девочки, — Лариса слегка покраснела, — я ж хозяйюшка, вызывала клининг перед вашим приходом. Так, не отвлекаемся! В комнате вас ждет персональный сюрприз. Особый гость, которого я пригласила. И этот человек уделит свое внимание каждой, если не побоитесь заглянуть в неизведанное. Мадам Мюсси — медиум и пророк! Я вам больше скажу, — подруга оглянулась на дверь и почти шепотом, с придыханием продолжила, — она потомок самого Мерлина!

На этих словах кто-то фыркнул, а у кого-то глаза зажглись огоньком любопытства. Мои же глаза, как мне показались, ушли в такой глубокий вираж, что на секунду скрылись за горизонтом, а затем показались снова, сделав полный оборот вокруг гипоталамуса. Чтобы не загоготать от абсурда ситуации, в которую вряд ли хоть кто-то может поверить, я залпом осушила бокал, едва не подавившись.

— Это не массовик затейник, — именинница продолжала уже более серьезным тоном, — не тамада, не аниматор и не шулер. Мадам действительно обладает магией. Я не знаю наверняка даже, как точно ее охарактеризовать, — Лариса стала говорить еще более тихо, посмотрев на меня и, пожав пле-

чами, — ведьма ли, волшебница, прорицательница, но она может заглянуть в будущее и в прошлое, может исполнить заветное желание, может вызывать духов и что еще, черт ее знает. Каждая сможет уточнить лично.

В комнате повисла пауза.

— Не пугайтесь, она на самом деле чудесная. И чтобы это доказать, первой, на правах хозяйки вечера и именинницы, зайду я.

— И мы даже знаем, с каким запросом, — рассмеялась Кристина. — Когда, где и при каких обстоятельствах встречу богатого, успешного, красивого, умного, в самом расцвете лет и сил мужчину, желательно сироту, который будет меня любить до последнего вздоха! Так поднимем же бокалы...

— Кристина, прекрати, — осекла ее Лара, — во-первых, нельзя произносить желание вслух. Во-вторых, не совсем такая формулировка. — Она кокетливо повела плечами и ушла в комнату.

Несколько минут мы сидели в полной тишине, прислушиваясь, но ничего не происходило. Тогда девочки стали потихоньку тянуть жребий, кто в какой последовательности зайдет в комнату. Азарт разгорался с каждой секундой. Ставки повышались. Пошел даже подкуп: кто-то посягнул на святое и обещал отдать свой кусочек моего торта, чтобы зайти следующей.

Самое обидное, никто на это не согласился.

Мне это все напоминало цирк, поэтому я тихонько отошла

к окну. Медиум. Двадцать первый век. Искусственный интеллект. Космические корабли бороздят просторы большой вселенной. А они верят... кому? Потомку Мерлина, которого даже никогда не существовало? Неужели я одна осознаю весь абсурд ситуации или, может, я просто слишком прагматична и не умею расслабляться, получая удовольствие от блаженного самообмана?

Забравшись в кресло с ногами и укутавшись пледом, решила немного подремать. Щебетание и смешки девочек меня даже расслабляли в какой-то степени. Нет бешеной гонки кухни, нет жара печи, не надо думать о налоогобложении, капризных гостях, росте цен на продукцию... не надо сегодня думать ни о чем. Я мысленно открыла ЕГО книгу, представляя прекрасный французский слог. Он не писал, он жил каждым словом, старясь успеть донести свои идеи, свой опыт ученикам. Мог ли он догадываться, что почти через двести лет его ученицей станет русская девушка?

— Эй, ты что, уснула? Решила проспать свою судьбу? — Восторженная Лара стала трясти меня за ногу.

— Там же еще очередь.

— Все уже прошли, осталась только ты.

— Может, колдунья устала уже, давай скажем, что желающие закончились?

— Вот еще! Все оплачено, поэтому давай, вперед, в комнату!

Я открыла дверь и сразу почувствовала, будто шагнула не

просто в другую комнату, а в аккуратно собранную иллюзию. Воздух был плотнее, тише, как в местах, где шепот звучит громче обычных слов. Обычная жилая комната исчезла. Шторы были задвинуты, поверх них темная ткань, приглушающая свет, а по углам горели небольшие лампы с теплым, медовым сиянием.

Само помещение оформили под салон медиума с почти театральной тщательностью. Вдоль стен стояли свечи разной высоты, их огонь дрожал и отражался в стеклянных поверхностях. Где-то тихо тлел благовонный аромат, ненавязчивый, но настойчивый, как мысль, к которой все время возвращаешься. Пол был усыпан ковром с восточным узором, и шаги по нему становились еле слышными.

В центре стоял круглый стол, накрытый плотной темной скатертью, свисающей до самого пола. Я подошла ближе и разглядела детали: воск, застывший неровными каплями на подсвечниках, потертую колоду карт, небольшой хрустальный шар, внутри которого отражался огонь свечей, и фарфоровую чашку с недопитым травяным настоем. Рядом лежали несколько предметов, будто собранных без системы, но с тайным смыслом: старинный ключ, нитка бус, блокнот с пустой страницей.

За столом сидела женщина. Она казалась частью декора, словно ее принесли сюда заранее с выставки восковых фигур. Темные волосы спадали на плечи, в них поблескивали серебристые пряди. На ней было длинное платье глубокого

винного цвета, без лишних деталей. Лишь на шее висел массивный кулон, притягивающий взгляд: две змеи, обвивающие желтый камень. Лицо спокойное, почти неподвижное, с таким выражением, будто она знает обо мне больше, чем я сама, но не спешит это показывать. Ее руки лежали на столе ладонями вниз, уверенно, без напряжения.

Напротив нее стоял одинокий стул. Я отодвинула его, и звук показался слишком громким для этой комнаты. Присев, вдруг ощутила, как круглый стол замыкает пространство между нами, превращая меня из гостьи в соучастницу представления-маскарада. Выпрямив спину, положила руки на колени и поймала ее внимательный взгляд на себе.

В этот момент комната окончательно сомкнулась вокруг нас, оставив где-то за дверью квартиру, вечеринку и шумный мир. Здесь остались только свечи, круглый стол и ощущение, что разговор, который сейчас начнется, уже давно меня ждал.

Тишина повисла между нами почти осязаемо, как тонкая ткань, которую никто не решается сдвинуть. Свечи потрескивали неприлично громко для такой паузы, и даже их огонь будто замер, прислушиваясь. Мы молча смотрели друг на друга. Время растянулось, теряя привычный ритм.

Разглядывала ее исподтишка, цепляясь взглядом за детали, будто пытаюсь разоблачить фокус. Морщинка у уголка глаза, легкое напряжение в губах, ровное дыхание. Все казалось слишком человеческим, слишком реальным для образа

медиума. Я искала трещину в образе, знак того, что это всего лишь антураж, хорошо поставленная сцена для развлечения гостей.

В голове вертелась простая мысль: я в это не верю. Ни в знаки, ни в предчувствия, ни в то, что кто-то может заглянуть дальше чужих слов и жестов. Пришла сюда, как на аттракцион, который надо просто переждать. Сейчас она заговорит, произнесет пару туманных фраз, я вежливо кивну, и все закончится. Так ведь должно быть?

Но секунды шли, а она молчала. И в этом молчании что-то начало меня раздражать и одновременно настораживать. Я вдруг остро почувствовала собственное тело: как спина касается стула, как пальцы слегка подрагивают, как сердце стучит слишком отчетливо. Мне захотелось первой нарушить тишину, пошутить, спросить, сказать, что угодно, лишь бы вернуть контроль.

Я снова посмотрела на нее и поймала взгляд. В нем не было ни вызова, ни обещания, только спокойное, внимательное присутствие. И именно это сбивало с толку. Она не торопилась, не играла на публику, будто была готова сидеть так сколько угодно.

Мысленно потянулась к двери, представляя, как встаю, ухожу, возвращаюсь в шумную квартиру и смеюсь над этим эпизодом вместе со всеми. Но тело оставалось на месте. Что-то тонкое, едва уловимое, держало меня здесь. Может быть, простое любопытство, может быть, упрямое желание

доказать самой себе, что мне нечего бояться.

Тишина продолжала тянуться. Наконец, поняла: хочу, чтобы она заговорила. Не потому, что верю, а потому что это молчание начало задавать вопросы, на которые я не была уверена, что хочу отвечать вслух.

— Здравствуйте. — Все же прервала тишину первой. С чего обычно начинают на таких «сеансах»? — Меня зовут Агата, я кондитер. — Прозвучало это, конечно, как на встрече анонимных алкоголиков.

— Интересное начало. Здравствуйте. — Ее голос был настолько необычным, что мне вдруг захотелось, чтобы она не переставала говорить.

— В общем, что хочу сказать. Это очень здорово, что все мы здесь сегодня собрались, но я бы не хотела тратить ваше время. Понимаю, что вы уже устали, и я принимаю часть игры, в которую меня завлекли, с полным уважением к вашей профессии. Мне от вас ничего не надо, у меня все хорошо.

— Так ли это? — Она хитро улыбнулась.

— Безусловно и истинно вам говорю.

— Так не бывает. Каждому человеку что-то надо. Кому-то деньги, кому-то слава, кому-то любовь...

— Я не верю в любовь.

Она удивленно подняла одну бровь, и слабая, как будто насмешливая улыбка, тронула губы.

— Вас кто-то настолько сильно обидел?

— Думаю, каждый человек в этом мире, в прошлом или

настоящем, сталкивался с той или иной болью. Но каждый сделал свои собственные выводы. И они достойны того, чтобы их уважали.

— Во что еще вы НЕ верите? — Ей явно доставлял удовольствие наш диалог.

— Ну, да, сейчас вы скажете в духе Воланда: «Ну, уж это положительно интересно, что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет!»²

— Нет, Мессира мы сегодня трогать не будем. Но все же, юная леди, вы не так просты, как хотите показаться. И все эти ваши колючки, за которыми вы прячете нечто очень дорогое, хрупкое для вас... Допустим, любви не существует. Во что же тогда вы верите, дитя?

Я продолжала невольно наслаждаться ее голосом. Удивительное сочетание первозданной мощи и теплой человечности. В его природном звучании угадывается текстура плотного бархата, тронутого благородной хрипотцой. Каждая нота звучит как исповедь, наполненная глубокой человеческой мудростью и гипнотической, обволакивающей теплотой.

— Я верю в магию продукта. Что если у тебя расслоилась мягкая карамель при добавлении масла, значит, не связалась эмульсия и нужно лишь добавить немного дополнительно сливок, чтобы текстура снова заблестела, подобно шелку на солнце. А еще верю, что в прошлом сокрыто больше смысла, чем в настоящем.

² Цитата из книги «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

— Какого смысла?

— Каждый, несомненно, ищет свой смысл. Кто-то скажет, что в прошлом было скучно, грязно и мир был наполнен смрадом, войнами, болезнями. Из-за чего люди становились более жестокими, утопая в своем невежестве. Но ведь без опыта прошлых веков мы не построили бы своего настоящего, продолжая совершенствовать этот мир для будущего.

— Мне кажется, мы начинаем подходить к сути. Кто же ваш проводник?

— Его имя вам вряд ли что-то скажет.

— И все же?

— Мари-Антуан Карем, — выдохнула я и покраснела. Зачем это все ей рассказываю? Уже давно пора выходить из комнаты и прекращать весь этот затянувшийся фарс.

— Знаю. Прекрасный малый. Фанатичный до мозга и костей, упрямый, с хорошим чувством юмора и да, один из самых искусных поваров всех времен.

— Удивлена. Даже не все мои коллеги по цеху о нем знают, а вы...

— Не из вашей вселенной? — Она опять улыбнулась только лишь уголками губ. — И что он значит для вас?

— Сложно сказать. Скорее учитель, авторитет. Да, знаю, звучит как бред, доверять тому, кто почти двести лет назад умер. Но, как бы странно это ни звучало, тут, возможно, как раз по вашей теме, я чувствую с ним некую связь, что ли. Он мне очень помогает. Если беру его книги и начинаю по ним

готовить — все во мне замирает. Буквально отрешаюсь от того, что окружает, не замечая ни звуков, ни света. Мой мир сужается до размера страниц, наполненных его мыслями и формулами. Какой бы рецепт, даже самый сложный, я бы не приготовила по его инструкциям, он всегда получается идеально. Нет, естественно, готовлю не только исключительно по его фолиантам. — Я подняла руки, как бы сдаваясь. А то выгляжу уже, скорее всего, как сумасшедшая на сеансе у психотерапевта. — Мне нравится уходить с головой в прошлое, благодаря трудам Барталомео Скаппи, Франсуа Массиало, Огюста Эскофье, Гюстава Гарлен... да что там, даже бралась за рецепты Апиция и Катона, а это трактаты еще до нашей эры. С кем вот у меня не получается наладить деловой контакт, так это с Жюлем Гюффе, учеником Карема. Сдается мне, что это был отнюдь не отличник, как про него пишут в интернете, и что-то месье Мари-Антуан упустил в его наставничестве. По несколько раз приходится переделывать, дорабатывая каждый десерт. С королем поваров такого не бывает... Он всегда, как будто незримо рядом и ведет мою руку. А если я нахожусь в трудной рабочей ситуации, мне стоит лишь попросить: «Карем, помоги...» И тут же все идет гладко, получается без проблем.

— Как интересно, — Мадам Мюсси буквально просмаковала эту фразу. — Как вы относитесь к нумерологии? Давайте посмотрим, что у вас с ним по датам? Когда вы родились?

Я мысленно корила себя за то, что наговорила лишнего и

слишком личного, а все вернулось опять к фарсу и дешевым фокусам.

— Если вам так будет угодно. Родилась 12 января 1994 года, в Петербурге. Его даты...

— Его даты мне прекрасно известны. 8 июня 1784 года, Париж.

Тут мне даже не пришлось скрывать своего удивления, потому что рот сам по себе открылся и закрылся лишь с усилиями через несколько секунд. Мадам стала быстро что-то писать, вычислять, зачеркивать в своем блокноте.

— Интересно, — опять выдохнула она и прищурилась, как довольная кошка, — между вами не просто совпадения, а кармический мост, переброшенный через два столетия.

Ну да, ну да. Чего еще стоило ожидать?

— Астрологический фундамент (Земля и Вода). Мари-Антуан — это эталонный Близнец с сильным влиянием Меркурия. Но его «Солярный знак» — всего лишь верхушка. В его натальной карте выделяется Солнце в седьмом доме, что значит «служение другим», и мощный Сатурн в Скорпионе, давший ему фанатичное трудолюбие и страх перед «пустотой». Его профессия — не еда, а архитектура, где он был одержим формой.

«А то это не известно каждому, кто хоть что-то знает о биографии данного повара», — со вздохом подумала я. Она же упрямо продолжала:

— Вы Козерог с сильным Сатурном в Водолее. Вы рожде-

ны в период, когда Сатурн был в экзальтации. Ваша стихия — Земля. Карем тоже Земля по тригону. Да, Близнецы знак Воздуха, но его Асцендент, скорее всего, Дева, судя по его педантизму.

Что общего у вас? Стихия Земли в обоих гороскопах доминирует над разумом. Вы оба «строите» из эфемерного, такого как сахар, мука, сливки. Все это вечные формы. Сатурн, кто есть кармический владыка времени, у вас обоих стоит в угловых домах, что делает вас «рабами красоты»³ — вы не можете творить спустя рукава.

Нумерологический резонанс, ваш код Судьбы. Здесь начинается мистика.

Мадам Мюсси прищурилась и выдержала театральную паузу, затем продолжила:

— Считаем вибрации: Карем: 08.06.1784: $8+6+1+7+8+4 = 34 \rightarrow 3+4 = 7$, это число «Жизненного Пути». И в то же время число «Божественного Архитектора», поиск скрытых законов мироздания. Он умер 12 января, а это, на минуточку, ваш день рождения! Теперь вы: 12.01.1994:

³ В оригинале у Карема на французском языке используется выражение «les négriers de la beauté». Слово négrier переводится как «работоторговец» или «корабль работоторговцев». В контексте XIX века это была устоявшаяся идиома, метафора жестокой, изнуряющей эксплуатации. Карем, который сам вырос в жуткой нищете и с детства бесплатно работал на задымленных, душных кухнях, использовал это выражение с горьким сарказмом. Он имел в виду, что повара — это «рабы на галерах у красоты», люди, которые гнут спину в раскаленном аду кухонь, сжигая свое здоровье и жизни, ради того, чтобы утонченное общество и короли могли созерцать мимолетную, прекрасную эстетику на столах.

$1+2+0+1+1+9+9+4 = 27 \rightarrow 2+7 = 9$, яркое число «Гуманиста» и «Завершения». На первый взгляд — 7 и 9 разные, не так ли? Но посмотрим число души, то есть день рождения: Карем родился 8-го, число «бесконечности и власти». Вы родились 12-го — $1+2=3$, это число «Творца». Ключ: сложим ваше итоговое число 9 и его 7 = 16. В нумерологии 16 — это кармическое число «Башни, сраженной молнией». Именно так умер Карем, сгорел от истощения! А 16 в сумме дает 7, то есть вы замыкаете его энергетический контур. Вы пришли доделать его дело в новой материи — это и есть его 7, воплощенная в 9 «служения людям».

Теперь точка пересечения во времени. Смотрите на дату его смерти — 12 января 1833. В день вашего рождения, 12.01.1994, его душа находилась в сублимации ровно 161 год. Цифра $1+6+1=8$ — это знак Сатурна. И ведь неслучайно, потому что мы сразу можем увидеть, что вас объединяет. А это одержимость деталями: Карем создавал *pâtisserie*⁴ как архитектурные чертежи. Вы, как истинный Козерог, должны делать это же, но с учетом вкуса. Венера у вас в Рыбах, значит, вы вкладываете душу, он вкладывал разум. Далее французский код. Вы родились в Петербурге, городе, который строили французские архитекторы. Он жил в Париже. Энергия Меркурия, его планета, в момент вашего рождения находилась в Водолее, знаке свободы. А у него в Раке, что обозначает семью. Это значит, что он передал вам эстафету.

⁴ Кондитерские изделия.

ту «сладкой империи», но без его трагического финала, вы эмоционально свободнее.

Отсюда кармический вывод: вы его «перевернутое зеркало». У него день рождения 8 июня, у вас 12 января. Это ось оппозиции Близнецы-Стрелец в астрологии, что говорит о реинкарнации мастерства. Он умер в ваш день рождения. В нумерологии это знак «Передачи короны». Ваша задача не повторить его судьбу, как вы сами знаете, он умер в нищете и забвении, а вывести его идеи на новый уровень: соединить высокую кухню с психологией вкуса. Вы, Агата, его ученица в прошлой жизни, которая теперь должна превзойти учителя. В вашей карте нет аспектов поражения Сатурна, а у него были. Значит, вы здесь, чтобы исцелить его род деятельности через радость, а не через жертвенность. Вы двое — это два крыла одной птицы, где Карем лишь чертеж, а вы жизнь в этом чертеже.

Я сидела ошеломленная и потерянная. Что это сейчас было? Собрав всю силу воли и напустив на себя отрешенный вид, насколько это было возможно, сказала просто:

— Спасибо. Такое ощущение, что все цифры притянуты за уши. Простите, конечно. Но «семь» и «девять» цифры разные, потом откуда-то у вас тройка, затем шестнадцать... Простите еще раз, но я скептик. Вы прекрасно говорите, я не хочу вас обидеть. Можно я просто пойду уже?

— А вы бы не хотели с ним пообщаться?

Я уже привстала со стула, как тут же опала на него обрат-

но.

— Некромантия?

— Ну, что вы, Агата. За кого вы меня держите? Чистый спиритизм.

— Вы ведь отдаете себе отчет в том, что с точки зрения науки и психологии, нет доказанного способа вызвать дух умершего человека, а любые «ответы» объясняются работой воображения, памяти и подсознания?

— Так да или нет? — хищно улыбаясь, спросила она.

— Давайте ваш спиритизм. — Я тоскливо покосилась на дверь. Так просто меня не отпустят. Что ж, шоу, похоже, должно продолжаться. Пока эта честная женщина не отработает свой гонорар, живым и мертвым отсюда не уйти.

— Какие у вас есть к нему вопросы?

Она шутит? У меня к нему столько вопросов, что их даже за месяц не разобрать.

— Можно списком или один за раз?

— Можно списком.

— Что ж... Знает ли он обо мне и чувствует ли мою увлеченность его работой? Поддерживает ли он то, что возрождаю его рецепты? Когда я думаю о нем, слышит ли он меня? Он бывает иногда со мной рядом? — выговорила на одном дыхании, покорно принимая правила этой игры.

Мадам Мюсси медленно закрыла глаза, делая глубокий вдох. Ее руки мягко легли на мерцающий в свечах хрустальный шар. В комнате повисла липкая, гнетущая тишина, а

воздух на секунду стал плотным и густым, до такой степени, что стало тяжело вздохнуть. Но буквально мгновение спустя пробежал холодок по спине, принося прохладу, облегчение, аромат старой бумаги, дорогого воска с едва уловимыми нотами корицы, ванили и горького миндаля. Игры разума, не более. Я человек и ничто человеческое мне не чуждо, как и быть подвластной слабостям своей хрупкой психики.

— Нити времени натягиваются, связывая современный мир с золотым веком французской гастрономии, — немного певуче и хрипло проговорила она, открывая глаза. В расширенных, бездонных зрачках буквально горела невероятная уверенность и сила. — Я вижу его. Дух Мари-Антуана Карема: величественный, безупречно одетый, с гордой осанкой человека, который превратил кулинарию в высокое искусство и подчинил себе королей. Он не просто слышит твой зов, он уже давно находится рядом. Его ответы на твои вопросы звучат четко и без капли сомнения: «Знает ли он о тебе и чувствует ли твою увлеченность?»

Она глубоко вдохнула ртом, вбирая максимально того душевного воздуха, который образовался в этой непроветриваемой комнате:

— Его ответ: «Да». Душа творца всегда жива там, где живут его творения. Карем утверждает, что каждый раз, когда ты открываешь его старинные фолианты, когда переводишь его тексты и особенно когда на твоей кухне оживают его рецепты, ты зажигаешь для него маяк. Он чувствует этот огонь.

Для него истинное бессмертие — это не памятники из мрамора, а тепло работающей плиты и блеск сотейников, в которых кипят и бушуют его крема. Твоя работа — это признание, которое питает его дух сквозь века и не дает уйти в небытие.

Она замерла прислушиваясь, затем кивнула:

— «Поддерживает ли он то, что ты возрождаешь его рецепты?». Он говорит: «Ты возвращаешь мне мою главную страсть». Великий мастер искренне переживал, что труд поваров мимолетен, а блюдо исчезает, как только его съедают. Возрождая его рецепты из пепла, тем самым исполняешь его самую заветную земную мечту.

Медиум вновь слегка прикрыла глаза и бережно опустила руку на воображаемую линию связи, которая мгновенно натянулась и начала вибрировать чистым, теплым золотистым светом. Что за спецэффекты? Но мне вдруг стало удивительно спокойно, появилось чувство глубокого уюта, домашнего тепла и едва уловимый аромат свежей выпечки.

— «Слышит ли он тебя, когда ты думаешь о нем и бывает ли он рядом»? Таков был вопрос, и я готова дать ответ, что диктует мне маэстро: «Да. Каждый раз, когда твой разум обращается ко мне, я здесь». Для него это самая чистая форма молитвы и признания. «Бывает ли он рядом с тобой»? Его ответ: «Я бываю рядом гораздо чаще, чем ты можешь себе представить».

Женщина слегка вздрогнула и поморщилась, но уверенно

продолжила, как будто даже заставляя себя:

— Связь начинает истончаться, но у нас есть еще немного времени. Хотите ли вы спросить еще о чем-то?

— Был ли он счастлив... не как повар, а как человек?

Взгляд Мадам Мюсси в то же мгновение стал почти скорбным. Она медленно закрыла глаза, как будто настраиваясь на более тяжелую, драматическую частоту. Я почувствовала (опять же игры разума, не иначе), как вокруг нас сгущается запах сырой земли, старых чернил и дыма от сгоревшей бумаги. Не давая мне опомниться и осмотреться, откуда могут идти ароматы, так четко подобранные для каждого случая, раздался тяжелый вздох, доносящийся будто из самого девятнадцатого века. Она вновь открыла глаза и ее голос звучал тише, с оттенком глубокого сочувствия.

— «Ты заглядываешь в самые темные и болезненные закоулки моей земной судьбы», — передает тебе его дух, — «Мой удел — одиночество среди королей, а сердце закрыто на замок, ключ от которого потерян в веках. На земле я не был понят и принят никем». — Она замолчала, как будто прислушиваясь. Поморщилась, напряглась, вытянувшись, как струна. — Слышу шепот: «Я вижу твой свет».

Мадам медленно выдохнула, возвращаясь в реальность. Вся ее кожа была покрыта мурашками, а тонкие светлые волоски на руках стояли дыбом.

— Ты получила все ответы?

— Спасибо. Вы прекрасный историк и психолог. Я полу-

чила огромное удовольствие от этого представления. Действительно будет, что рассказать внукам. Может, под конец еще посоветуете, как сделать так, чтобы он мне приснился? Столько лет живу его напутствиями из книг, но вот, как назло, он ни разу не пришел во снах.

Она глубоко и тяжело рассмеялась, в конце даже закашлявшись. Постучала себя кулачком в грудь и смахнула выступившую слезу с ресниц.

— То есть из всего, что сегодня между нами было, — мягко начала я, — вас рассмешил только мой вопрос о сновидениях?

— Он тебе приснится. Обязательно. И ты будешь крайне удивлена реалистичности происходящего.

Медиум, шаман, таролог-нумеролог и как бы там ни называлась еще мадам Мюсси, взяла парчовую сумочку и начала что-то в ней искать. Через минуты две шуршания (что за бездонная вещичка?), наконец, была извлечена небольшая, но очень красивая английская булавка, на одном конце которой крепился пятилистный клевер из ярких камней, как будто бы даже изумрудов.

— Вот возьми. Отломи один камешек и загадай желание. Но помни...

— Да-да, знаю: «Бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться». — Раз надо что-то сломать, значит, это точно не изумруды.

Я взяла протянутую мне булавку. Минералы игриво и ма-

няще переливались невероятно красивым зеленым цветом, меняя оттенки от темного малахитового до насыщенного бирюзового.

— И на этом я могу идти?

— И на этом ты свободна.

Зажав большим и указательным пальцем один лепесток, произвольно выдохнула:

— То есть, если я загадаю, что хочу увидеть Карема, это... ой! — Маленький яркий камушек резко и неожиданно впился мне в палец, протыкая его с такой силой, что брызнула кровь. Интуитивно отдернула руку, и виновник моей раны полетел на ковер и, тут же вспыхнув, потух.

— Дело сделано. Ты можешь идти.

— Но ведь я... так, да, спасибо, прощайте.

Встав со стула, вдруг ощутила, какими ватными стали ноги. Мне пришлось приложить большое усилие, чтобы сдвинуться с места в сторону выхода. Скорее всего, затекли от долгого сидения на неудобном стуле. Это чувство скованности длилось пару мгновений и тут же пропало.

— И помни, — слова буквально ударились мне в спину, — нельзя менять прошлое, не изменив настоящее. Все имеет последствия.

— «Эффект бабочки», прекрасная тема для нашего следующего сеанса. — Не оборачиваясь, бросила я в сторону и поскорее уже вышла, закрыв за собой дверь.

В комнате все уставшие, но вдохновленные после получения ответов на свои самые потаенные вопросы, девчонки пили чай, забыв про меня и не оставив ни одного кусочка торта. А я вдруг почувствовала просто звериный голод, как будто неделю сидела на хлебе и воде, и то раз в сутки в лучшем случае. Каждая делилась своими впечатлениями от встречи с мадам Мюсси. Как только за мной захлопнулась дверь и с другой стороны раздался звук закрывающего замочную скважину ключа, все кинулись ко мне.

— Ну что? Ну как? Что она тебе сказала?

— Да так, ничего особенного. Мило поболтали на общие темы.

— А что у тебя с пальцем?

— Была излишне любопытна к артефактам нашего мага. Больше совать нос не в свои «игрушки» не буду.

Моя рука потянулась к стакану с водой, который я быстро схватила и тут же осушила залпом.

— Прелестницы мои, мне надо бежать. Завтра вставать снова до рассвета, чтобы с утра баловать и радовать жителей Петербурга.

— А когда ты уже начнешь себя баловать и радовать? — со смехом и объятиями спросила Лариса.

— Когда-нибудь обязательно. Но я побежала. Всех целую, обнимаю, до скорых новых встреч.

— Ага, до скорых. Она имеет в виду: увидимся через год на моем следующем дне рождения, — проворчала именин-

ница и пошла меня провожать.

Мы тепло простились и я как во сне, впервые за последнее время, ехала с полным отсутствием каких-либо мыслей. Мне хотелось только упасть в кровать и все забыть, все забыть...

Машина послушно замерла у дома. Я поднялась в квартиру, двигаясь на автопилоте, словно марионетка, которой наконец-то ослабили нити.

Щелчок замка прозвучал в тишине прихожей как финальная точка затянувшегося дня. Я закрыла дверь, привалилась к ней спиной и прикрыла глаза. Медленный, тяжелый выдох сорвался с губ, и вместе с ним, словно тяжелый театральный грим, наконец-то сползла маска «успешного шефа». Такая безупречная, но до боли стягивающая лицо.

Квартира встретила своим привычным, стерильным порядком, от которого в этот вечер веяло едва ли не могильным холодом. Здесь пахло безупречной чистотой: дорогим деревом, свежим текстилем и полным отсутствием чужого присутствия. Ни одной забытой вещи, ни одной рамки с фотографией, ни единой случайной безделушки, которая могла бы зацепить взгляд и напомнить о том, что у меня есть жизнь за пределами кондитерского цеха. Мой дом походил на идеальный разворот интерьерного журнала. Красиво, но абсолютно необитаемо.

На автопилоте побрела в сторону кухни, ведомая лишь многолетней привычкой. В этой звенящей пустоте каждый мой шаг казался неестественно громким, словно прокрады-

валась в чужой музей.

Дверца встроенного холодильника поддалась с мягким шуршанием магнитной ленты. Резкий неоновый свет выхватил пустоту стеклянных полок. На них не было ароматов еды, лишь холодный, технический воздух. Здесь сиротливо теснились полуторалитровая бутылка минеральной воды и один-единственный баночный йогурт. Больше ничего. Никаких домашних ужинов, никаких полупустых банок с соусами. Зачем, если живу на работе?

Я достала бутылку, сделала несколько жадных глотков прямо из горлышка, чувствуя, как ледяная вода обжигает язык, и закрыла дверцу. Темнота мгновенно поглотила кухню обратно, вернув меня в глухой сумрак.

Опустившись на жесткий стул перед пустым столом, так же по привычке открыла крышку ноутбука. Экран вспыхнул, безжалостно подсветив мое бледное, осунувшееся лицо. Вкладка почтового ящика насмешливо показала: «входящих» — глухой ноль. Я зачем-то обновила страницу, завороченно глядя на бегущее по кругу колесико загрузки, словно надеялась на чудо. Но система лишь равнодушно вывела серую строчку: «У вас нет новых писем». Никаких весточек от старых друзей, никаких случайных: «Как дела?». Только безликая автоматическая рассылка от поставщиков ванили и сливок, упавшая в ящик еще в разгар рабочего дня.

Я закрыла крышку с сухим хлопком.

Достав из кармана мобильный, разблокировала экран и

открыла список контактов. Палец механически, медленно листал бесконечную ленту имен. «Доставка упаковки», «Маруся цех», «Ремонт печей», «Сливки опт»... Они проплывали перед глазами, как титры к фильму, который не хотелось смотреть. Моя жизнь была забита людьми, встречами и звонками, но в этой телефонной книге не было ни одного человека, которому я могла бы просто написать среди ночи, признавшись, как сильно сегодня устала.

Мой палец замер посреди бесконечной ленты рабочих контактов. Одно единственное слово, выбивающееся из этого сухого перечня: «МАМА».

Я смотрела на светящийся экран несколько бесконечно долгих секунд. Подушечка большого пальца зависла в каком-то жалком миллиметре от кнопки вызова, но этот зазор казался непреодолимой пропастью. Холодное неоновое свечение букв дрожало, отражаясь в моих глазах, и я с ужасом поймала себя на том, что моя рука едва заметно, но предательски подрагивает. В горле встал острый ком. Сделала глубокий, прерывистый вдох, но так и не решилась опустить палец. Слишком много скопилось того, о чем молчали годами. Одним резким движением я перевернула телефон экраном вниз, накрыв его ладонью, словно пыталась спрятаться от собственного бессилия.

Повернув голову, долго всматривалась в темноту за панорамным окном. Ночной Петербург тонул в густом, молочном тумане, стирающем границы между небом и землей. Внутри

меня разрасталась звенящая пустота: чистая, как белый лист, и пугающая, как бездна. Она странно рифмовалась с размытыми, блеклыми огнями спящего города там, за стеклом. В эту минуту кожей ощутила, насколько же ничтожна и абсолютно одна во всей этой огромной, равнодушной вселенной.

В спальне царил полумрак. Сил не было даже на то, чтобы привычным движением дезинфицировать руки и умыться. Просто стянула платье и быстро переоделась в пижамный костюм.

Постель приняла в свои объятия прохладой хлопка. Я забралась под одеяло, натянув его до самых ушей, закрыла глаза и приготовилась к своей обычной ночной пытке: бесконечному перебору кондитерских формул, мысленному подсчету остатков муки на складе и капризам поставщиков. Но мозг не выдавал ни одной мысли. Тишина не давила. Она обволакивала, как плотный, глянцевого мусс, изолируя меня от шума засыпающего Невского проспекта.

Подушечку пальца на правой руке до сих пор пощипывало в том месте, где булавка проколола кожу. И этот ритмичный пульс странно резонировал с мерным, ленивым тиканьем настенных часов.

Секунда. Еще одна.

Время будто замедляло свой бег, превращаясь в густой янтарный сироп, гипнотизируя меня своим равномерным, стабильным, четким отсчетом.

Вместо привычной поверхностной полудремы меня рез-

ко, без предупреждения, потянуло на самую глубину, в пучину темноты и умиротворения. Реальность вокруг начала стремительно плавиться. Звук редких машин за окном внезапно растянулся, превращаясь в глухой, раскатистый рокот балтийского шторма. Привычный, едва уловимый шлейф ванили и корицы в комнате стал тяжелым, плотным, смешиваясь со странным, резким запахом мокрой кожи, дегтя и конского пота.

Я попыталась открыть глаза, сбросить это наваждение, крикнуть себе, что это всего лишь игры уставшего разума... но тело больше мне не подчинялось. Сонный паралич? Как ты не в тему и не ко времени. Последнее, что зафиксировало мое угасающее сознание до того, как я окончательно провалилась в темноту, — это пронзительный, хриплый звук кашля, донесшийся откуда-то сверху, и леденящий сквозняк, пахнувший сырым невским гранитом, поросший влажным мхом от давности лет.

Я спала. Но впервые в жизни я знала наверняка, что это не было сном.

Балтийское море, 10 сентября 1819 года. Ночь.

Осень выдалась на Балтике безжалостной. Она ворвалась на просторы маркизовой лужи и Финского залива яростно, пригнав со стороны Атлантики тяжелые тучи. Хмурое небо опустилось так низко, что казалось, мачты одинокого ко-

рабля вот-вот проткнут безликую серую высь. Море превратилось в кипящий котел. Балтика, обычно мелководная и капризная, вздымалась рваными, короткими и оттого смертельно опасными волнами. Они не катились плавным валом, а обрушивались на деревянный корпус беспорядочными ударами, словно пушечные ядра. Свинцовая вода, покрытая грязно-белой пеной, с грохотом перекатывалась через ют и бак, смывая все на своем пути. Корабль казался песчинкой в этой безумной круговерти: снасти гудели от бешеного норд-веста, издавая заунывный вой, похожий на погребальный плач. Рангоут трещал под напором ветра; штормовые паруса были убраны, но даже обнаженные реи гнулись, угрожая разлететься в щепки. Деревянные ребра корпуса стонали на каждом изломе волны, когда судно то взлетало на водяной хребет, то срывалось в зияющую бездну. В каютах и на палубе царил полумрак. Изредка бледный луч холодного сентябрьского солнца пробивал завесу водяной пыли, но лишь для того, чтобы обнажить весь ужас положения. Мокрые матросы, намертво привязав себя леерами к элементам палубы, из последних сил удерживали штурвал. Лица их побелели от соли и холода, а в глазах застыло понимание: шхеры и скалистые берега где-то совсем близко, прячась за пеленой непрекращающегося дождя, готовы в любой миг разбить их одинокий приют.

Корабль метался, как зернышко ванили в гигантской миске для взбивания яиц. Мари-Антуан Карем стоял у поруч-

ней, вцепившись в мокрое дерево так, что побелели костяшки пальцев. Его шляпа давно улетела в воду. Он видел, как она исчезла в пенной бездне, и подумал с какой-то пугающей ясностью: «Возможно, таков будет печальный исход этого глупого путешествия. Еще минута и закончится мой жизненный путь. Просто вспышка молнии, корабль накроет волной, все разлетится на миллионы щепок. И никто не вспомнит, что такое настоящий бисквит».

Вокруг ревели стихия. Волны были черными, с седыми гривами. Они вздымались выше мачт и обрушивались на палубу с такой силой, что доски выли, как живые. Матросы орали друг другу что-то по-голландски, но крики тонули в ветре. Карем не понимал ни слова, но и не пытался. Он зажмурился, когда очередной вал накрыл его с головой и ледяная соленая вода заполнила рот, нос, легкие.

«Господи, — подумал он, выныривая, кашляя, хватая воздух, как последнюю надежду, — я ведь даже не доехал до Петербурга. Я не увидел императора и не извинился перед ним за свои отказы на службе у него. Я не успел научить русских поваров делать холодный ашпик⁵. И мои рукописи... мои книги останутся недописанными. Имя мое исчезнет из истории, как эта слетевшая с головы шляпа».

Он снова вцепился в поручни, когда корпус корабля вздрогнул от страшного удара. «Наверное, налетели на подводный риф или на обломки старого судна», — мелькнула

⁵ Желе.

мысль.

Карем слышал треск, крик капитана, и вдруг его осенило: «Это как с сахарным сиропом. Если нагреть его слишком сильно, то он пригорит, если перестать мешать, то застынет комком. Но если удержать температуру, если не отпускать лопатку, только в этом случае получится идеальная карамель. Держись, Карем. Просто держись и продолжай мешать».

Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, вечность. Но вдруг ветер стих, волны стали ниже, и в просвете туч блеснула тусклая, больная луна. Повар поднял голову и увидел на горизонте огни. Маленькие, дрожащие точки, но они дарили надежду. Корабль смог противостоять стихии. Жизнь продолжалась.

Его бил озноб, губы посинели. Он улыбнулся и, глядя на приближающийся берег, понял главное: «Архитектура — это умение выстоять. А кондитерское искусство — это умение собрать себя из обломков, чтобы восстать».

Француз повернулся к каюте, чтобы пойти переодеться в сухое. И уже на пороге замер: из кармана мокрого сюртука торчал край чертежа, который он вез для императора. Бумага размокла, линии поплыли, но он все равно ее достал, прижал к груди и прошептал:

— Я дострою тебя. Даже если ты развалишься на глазах самого Александра I. Я дострою все.

За спиной матросы уже готовились к скорой швартовке

в Кронштадте. Но Карем смотрел на чертеж и видел в нем форму своего будущего торта: восемь ярусов бисквита, каждый из которых такой же смелый и неудержимый, как эссенция из этого шторма.

Механизм, запущенный уколom старинной булавки, уже невозможно было остановить. Пока в XXI веке настенные часы в спальне Агаты отсчитывали секунды чужого, ставшего далеким сиротливого утра, в бездне двухсотлетней давности трехмачтовый пакетбот «Елизавета» уже пробивался сквозь ледяной кронштадтский туман. Антонин Карем, прижав платок к губам, задыхался в сыром трюме от кашля, не зная, что этот балтийский шторм несет его навстречу той, ради которой он переписет свои последние рецепты. «Аннушка уже разлила масло» (с). Вечность сделала свой первый вдох.

ГЛАВА 2

Изящные искусства их пять:

живопись, скульптура, поэзия, музыка и архитектура, главной ветвью которой является кондитерское дело.

Мари-Антуан Карем

Я проснулась от холода. Не от того утреннего, который лечит, а от того, что проникает внутрь и замораживает каж-

дую клеточку твоего тела и души. Открыла глаза и зажмурилась. В лицо ударила едкая, колючая пыль. Не было ни утреннего Петербурга за окном, ни белого потолка, ни тиканья часов. Никаких простыней. Никакого мягкого матраса. Мое лицо было вжато в колючую, жесткую солому, перемешанную с грязью. Вместо привычного шлейфа дорогого диффузора с ароматом ванили или корицы в нос ударил такой плотный, концентрированный микс запахов, что к горлу мгновенно подступила тошнота. Пахло сырым навозом, дегтем, мокрой лошадиной шерстью и кислыми щами. Этот запах можно было резать кондитерским ножом, настолько он был осязаемым. Легкие обожгло сыростью, словно меня заперли в промышленной камере шоковой заморозки. Попыталась резко сесть, но голова взорвалась тупой болью.

Рядом, совсем близко, кто-то дышал. Громко, с влажным присвистом. Я замерла, боясь пошевелиться. Потом поняла: это конь. Огромная, теплая морда склонилась ко мне так низко, что можно было почувствовала его дыхание на своей щеке.

Глаза привыкали к тусклому свету и можно было уже рассмотреть дощатые стены, каменный пол, масляную лампу, которая коптила на столбе, и сбрую, висящую на гвозде.

— Это сон, — прошептала я, и голос прозвучал чужим. — Просто сон.

Прищуриваясь, обвела помещение взглядом. Вместо моей спальни — стойло. Вместо приглушенного, через стекло-

пакеты, шума машин, лишь всхрапывание лошадей и далекие голоса за стеной. На автомате потянулась в сторону тумбочки, где всегда лежал телефон. Пусто. Ни тумбочки, ни телефона.

— Нет, — сказала я громче, надеясь, что голос разгонит этот кошмар. — Нет, пожалуйста.

В ответ — только фыркание и стук копыт по камню.

Тогда я посмотрела на палец. Там, где булавка проколола кожу, остался еле заметный след. Тонкая серебристая линия, как шрам, который никак не мог появиться за одну ночь.

В голове пронеслось: «Говорят, чтобы понять, сон это или нет, надо вспомнить, как ты оказалась в этом месте. Я этого не помню. Значит, это сон. Надо зажмуриться, ущипнуть себя и все закончится».

За стеной кто-то кричал по-французски: «Прибывают из Кронштадта!».

В то же мгновение ворота стояла распахнулись. В образовавшуюся щель заглянула девушка с выбившимися из-под платка русыми волосами.

— Ты чего развалилась? Упала, что ли?

— Кто... вы?

— Мы? — Она оглянулась и пожала плечами. — Я одна. Но если ты не встанешь, придет Потап и выпорет тебя, да так, что мало не покажется.

На этих словах она влетела в конюшню и упала на четвереньки. Вслед за ней вальяжно вошел мужчина и пнул ее под

зад.

Когда смогла разглядеть его лицо, мне показалось, что оно никогда не было создано для улыбок. Загнутые вниз уголки губ и строгий взгляд делали выражение почти диким. Темная спутавшаяся борода, маленькие глаза. Кожа казалась натянутой под светом: не гладкая, не испещренная морщинами, а та, что пережила холод, ветер и привычку не жаловаться на невзгоды.

Одежда на нем держалась как на человеке, который не будет снимать кафтан, даже если разговор затянется. Плечи шире обычного, утянутые формой верхней одежды. Ткань на вид плотная, темная, с матовым отливом. На голове какая-то суконная шляпа с пряжками, тоже темная, сидящая низко. Она отбрасывала тень на лоб, делая взгляд еще серьезнее и страшнее.

Руки и стойка выдавали привычку к делу. Взглядом скользнула по его рукавам и вороту: все было сшито так, чтобы не мешать двигаться, перехватывать, поднимать, держать. На ногах грязные сапоги, которые, будто бы перешли ему в наследство. В руке был хлыст.

— Эй, девка! Вставай, чумазя! Ишь, разлеглась, барыня. Коням овес задавать некому! Чего zenки вылупила? — он оказался надо мной в два прыжка. Единственное, что я успела подумать в тот момент: «В его бороде забилась овсяная лузга».

— Немая, что ли? Так у меня и немые заговорят в два

счета, — с усмешкой он показал на хлыст.

— Это все сон... — Я упорно продолжала не верить в происходящее.

— Ах, кому-то надо помочь проснуться!

Он перехватил рукоять плети. Короткое, жесткое движение, лишенное всяких колебаний. Воздух свистнул прежде, чем я успела зажмуриться. Удар кожаного хвоста пришелся точно по бедру. В первое мгновение сознание даже не распознало боль, только оглушительный, тупой толчок, от которого все тело судорожно дернулось на соломенной подстилке. Но уже через долю секунды кожу обожгло концентрированным огнем. Ощущение было таким, будто к бедру прижали полосу раскаленного добела железа. В глазах на мгновение потемнело, а потом тьма рассыпалась мелкими искрами. Горло перехватило спазмом, превращая крик в глухой, прерванный выдох. Боль не утихала, она пульсировала, расползаясь от места удара горячими волнами и заставляя мышцы ноги судорожно сжаться. Я отчетливо чувствовала, как под тканью моментально наливается узкий, горящий рубец, а каждый миллиметр кожи в этом месте пульсирует в такт бешено заколотившемуся сердцу.

Мысль о том, что это может быть сон, тут же растворилась в невероятной боли. Во сне ты ее не ощущаешь. Где я? Что со мной? За что со мной это?

— Повторить, коли не поняла с первого раза? — довольно поглаживая бороду, уточнил он.

— Нет... — в ответ смогла лишь прохрипеть. — Мне все понятно.

— Тогда лошадей накормить, почистить и оседлать. Государь Император соизволил сегодня прогулку устроить.

— Что? — выдохнула я, забыв на мгновение о боли.

— Немоту мы твою уже вылечили. Теперь с глухотой разберемся?

— Не надо. Мне все понятно. Сделаю, что сказали.

— То-то же. Потом водовоз приедет. Надобно будет воды на кухню отнести, да в баню. Барин заморский приезжает. Если бы не он, занялся бы я тобой... — Облизнулся мужчина, затем сплюнул мне на сарафан и ушел.

Девушка, о которой я успела забыть, так же на карачках подползла ко мне и шепотом затараторила.

— А я тебе говорила. Ты что, белены вчера объелась? В такой день валяться да нежиться!

— Кто ты?

— Палашка. А ты?

— Агата.

— Имя-то у тебя какое заморское. Ты что, из беглых? Сейчас тебе, конечно, повезло, из-за всей этой шумихи с барин-ом никто особо разбираться не будет, но потом...

Она многозначительно замолчала и подняла вверх глаза, упревшись взором в усатую морду лошади.

— Лошади! Живо! Ты кормишь, я чищу.

Где я, черт побери? Это не съемочная площадка и не этно-

парк. Здесь не было бутафории. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь узкие, засиженные мухами окна под потолком, подсвечивали миллиарды кружащихся в воздухе пылинок. И в этом золотистом полумраке, фыркая и переступая тяжелыми копытами, все еще стояли они. Лошади. Настоящие. Живые. Всю свою жизнь я видела этих прекрасных созданий только на экранах смартфона или мельком в городском парке, где ухоженные пони катали детей по кругу. Но здесь, вблизи, они казались колоссальными, пугающими монстрами.

Из денника слева на меня воззрился огромный, влажный, антрацитово-черный глаз. Лошадь шумно выдохнула через ноздри, и этот звук, похожий на работу гигантских кузнечных мехов, заставил меня испуганно отшатнуться назад, едва не прижавшись спиной к грубой бревенчатой стене. Колени мелко задрожали. Просьба Пелагеи была абсолютно невыполнимой. Внутри все заледенело от беспомощности, а бедро неистово ныло от боли.

Мой мозг, привыкший искать в интернете ответ на любой непонятный вопрос за две секунды, сейчас судорожно бковал. Накормить. Ладно. Но как? Чем? Сколько им нужно? В голове набатом стучали панические мысли: «Если я дам слишком много, она заболит? А если она укусит меня за руку, когда протяну еду? Они вообще едят с рук или надо сыпать... куда сыпать?»

Самым страшным было то, что у меня не было права на

ошибку. Одно неверное движение — и меня вычислят. Или, что еще хуже, этот огромный зверь просто раздавит меня. Я замерла посреди прохода, чувствуя себя глупым, бесполезным манекеном. Пальцы судорожно вцепились в ткань чужого, колючего платья. На мне был надет тяжелый сарафан из серого некрашеного сукна, поверх грубой рубашки, и все это туго, до боли в ребрах, перетянута шнуром.

Палаша же, не замечая моей растерянности, уже споро приступила к своей части работы. Наблюдать за ней было одновременно восхитительно и унижительно. Она двигалась с автоматической легкостью, словно занималась этим всю жизнь. Хотя так оно, скорее всего, и было. Она уверенно хлопала серого в яблоках коня по мощному крупу, скомандовала что-то короткое, и животное послушно сдвинулось в сторону.

— Ты только глянь, каков красавец, — то ли ко мне, то ли к коню, обратилась девчонка, — Марс! Ну, что за гордость нашей конюшни.

Он был действительно прекрасен, насколько я могла судить. Светло-серый, в еле заметных более ярких темно-серых пятнах. Шерсть буквально сияла в солнечных лучах, отливая холодным серебром и жидким жемчугом. Под этой тонкой шерстью, как на анатомическом атласе, перекачивались тугие, рельефные мышцы. Ни капли лишнего жира, сплошная грация и скрытая, почти пугающая мощь. Из-за его огромной, величественно изогнутой шеи и широкой гру-

ди он казался живой мраморной статуей, которая каким-то чудом дышала. Конь медленно повернул ко мне свою красивую, точеную голову с аккуратными ушами. Я замерла, боясь даже вздохнуть. Его темный глаз посмотрел прямо в душу. В этом взгляде не было злости или страха, только царственное, глубокое спокойствие и какой-то, почти человеческий интеллект. По спине побежали мурашки: этот конь будто бы видел меня насквозь и посмотрел буквально как на пустое место, как истинный аристократ. Он нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и его копыта, круглые, ухоженные, покрытые какой-то темной блестящей мазью, глухо стукнули по деревянному полу. Густая грива плавно качнулась, а из широких ноздрей с шумным фырканием вырвалось облачко пара.

Руки Палаши в потемневших от работы мозолях летали со скоростью профессионального фокусника. Шурх, шурх, шурх. Жесткая скребница в ее пальцах ходила по лошадиному боку, выбивая облачка белесой пыли. Конь блаженно зажмурился и вытянул шею. Девушка что-то тихо бормотала ему под нос, без малейшего страха подныривая под массивную голову. Вот она бросила щетку, подхватила с пола тяжелое кожаное седло с какими-то ремнями и одним ловким, сильным взмахом закинула коню на спину. Тот даже не шелохнулся. Раздался резкий металлический звон пряжек, это она уже затягивала подпругу где-то снизу, у самого живота зверя, абсолютно не боясь получить копытом в лицо.

Она была здесь своей. Частью этого жесткого, пахнущего потом и навозом мира. А я стояла, боясь сделать шаг, барахтаясь в собственной растерянности, как одинокий желточек, который перекачивается в деже кухонной машины и никак не может объединиться с тестом. «Держись, желточек», — всегда шутливо говорила я ему. Так же и себе сейчас: «Держись, Агата». Нужно было что-то делать, как-то начать, пока меня не окликнули снова. Но я просто не могла заставить свои деревянные ноги сдвинуться с места.

Шумный, протяжный вздох гнедого коня из соседнего стойла заставил меня вздрогнуть. Паника внутри уже перерастала в глухую злость на саму себя. «Соберись, тряпка, — приказала себе, стискивая зубы. — Ты закончила университет, ты умеешь анализировать информацию. Это просто лошадь. Ей нужно дать еду. Как кошке. Только побольше». Но как?

Я перевела взгляд с огромного ларя с овсом на гору сена. Логика городского жителя подсказывала: овес — это как каша или десерт, его, наверное, дозируют. А трава — это просто трава, ее можно дать побольше. Я сделала робкий шаг к деревянному чану с овсом. Рядом на стене висел какой-то грубый металлический ковш, весь в царапинах. Взяв его, ощутила, насколько эта штука неожиданно тяжелая. Зачерпнула золотистые зерна. «Сколько нужно сыпать? Один ковш? Пять? Вдруг от переедания кони... умирают?»

От незнания простых, базовых вещей этого мира мне ста-

ло физически тошно. Решив не рисковать с зерном, высыпала все обратно и повернулась к сену. С этим казалось проще. Подошла к куче, наклонилась и схватила приличную охапку сухого клевера. Стебли тут же безжалостно впились в нежную кожу моих ладоней, заставив поморщиться. Охапка была колючей, пыльной и пахла летом. Удерживая этот сноп перед собой, как щит, медленно, на негнущихся ногах подошла к Марсу-аристократу. Сердце колотилось где-то в горле. Конь мгновенно среагировал. Его огромная голова на мощной шее вновь повернулась ко мне. Бархатные ноздри затрепетали, шумно втягивая воздух. Я замерла в полуметре от деревянной перегородки, не зная, что делать дальше. Кинуть ему? Или положить в су... су... су... как это называется? В кормушку? На деревянной стенке внутри денника было прибито подобие яслей или глубокое корыто. Сделала еще один шаг. Лошадь потянулась навстречу сену, и ее огромные желтоватые зубы на мгновение обнажились, когда она приподняла верхнюю губу. Мне показалось, что он сейчас откусит мою руку вместе с этим несчастным клевером.

— Эй, ты чего чудишь? — Резкий, звонкий голос Пелагеи заставил меня подпрыгнуть, а половина сена из рук позорно посыпалась на пол. Девушка, подбоченясь, стояла у соседнего денника. На ее лице читалось искреннее, глубокое недоумение, смешанное с насмешкой. Она смотрела на меня так, будто я пыталась съесть это сено сама.

— Кто ж так задает? — Она покачала головой, подо-

шла ближе и бесцеремонно вырвала остатки травы из моих онемевших пальцев. — Ты ему пустую солому суешь, дурная. Этому опосля работы овса положено, две мерки. А сено сперва встряхнуть надо, чтоб пыль выбить, да в ясли сложить, а не коню в морду тыкать. Ты никак умом тронулась, сестрица? Глазищи вылупила, словно черта увидела. Подвинься!

Она оттолкнула меня плечом, легко, но уверенно. Я отлетела к стене, чувствуя, как к щекам приливает горячая краска стыда. Но одновременно с этим испытала дикое, сумасшедшее облегчение: меня не раскусили, меня просто посчитали дурочкой.

Я посмотрела на огромные деревянные ворота конюшни, сквозь щели которых пробивался блеклый, серый, истинно питерский рассвет. И в этот момент до меня донесся колокольный звон. Тяжелый, раскатистый, медный гул, который шел со стороны Петропавловского собора. Но это был не тот привычный звон, который я слышала по выходным. В этом звуке не было акустики современного города. Не было гула моторов, сирен скорых, шума шин. Только чистый, звенящий, пугающий вакуум неизвестного еще мне времени, заполненный стуком копыт по булыжной мостовой.

Ловушка времени захлопнулась. Я стояла в Петербурге. Но этот город больше мне не принадлежал.

«Бойся своих желаний...» — тихо прозвучало в моей голове.

— Слушай, — утирая нос тыльной стороной руки, проговорила девушка, — я не глупая и понимаю, что ты не из простых. Агата. Барское отродье, но с привилегиями? Наверняка прислуживала кому-то из дворян. А может, графу? Князю? Явно грязной работы не видела. А потом что? Пришлось бежать? Нашла куда бежать прятаться, в самое пекло, под нос государя нашего, Александра Павловича! Я, конечно, никому не скажу до поры до времени, но и ты постарайся так уж явно себя не выдавать. Иди вона, к воротам. Потап сказал воды натаскать.

Я даже не смогла ничего ей ответить, слова застряли в горле. Наверное, схожу с ума. Или уже сошла. Другого объяснения пока не нахожу.

На ватных ногах развернулась и с большим усилием толкнула одну из створок ворот конюшни.

Свежий сентябрьский воздух ударил в лицо, мгновенно выветривая тяжелый конюшенный угар, которым, мне казалось, уже пропиталась насквозь. Сделала глубокий вдох и замерла на каменном пороге, ослепленная и оглушенная тем, что открылось моим глазам.

Я стояла во внутреннем дворе Зимнего дворца. Не узнать его истинной петербурженке было невозможно. То, что раньше видела только на глянцевых туристических открытках и безупречно отретушированных фотографиях в подписках, теперь окружало меня со всех сторон в полный рост. Масштаб этого места подавлял. Огромное каре трехэтажного

здания с барочными фасадами цвета блеклой бирюзы и белыми колоннами взмывало в хмурое небо. Осенний ветер гнал по свинцовым тучам клочья дыма. Внизу, в гигантском каменном колодце двора, кипела жизнь, к которой совершенно не была готова.

Паника, что только начала утихать в конюшне, вернулась с новой силой, ледяным спазмом сжав живот. У меня было четкое задание: найти у ворот водовоза и принести воду в баню. Но я продолжала стоять посреди этого муравейника и понимала, что нахожусь в абсолютном шоке. Куда идти? Во дворе было несколько арочных проездов. Какие из этих ворот нужны? Как выглядит этот чертов водовоз? В моем представлении это был просто мужик с бочкой, но сколько их тут? И главное, где баня? Спросить кого-то означало мгновенно выдать себя. Мой язык, мои манеры, сам мой ошарашенный взгляд... все это могло стать билетом в сумасшедший дом или тюрьму.

Двор жил своей суетливой, строго регламентированной жизнью. Мимо меня, грохоча подковами по булыжной мостовой, пронеслась легкая двухколесная повозка. Из каретных сараев лакеи, в расшитых золотом ливреях, выкатывали роскошную закрытую карету. Чуть поодаль, чеканя шаг, промаршировал караул гвардейцев в высоких черных киверах и ярко-зеленых мундирах. Штыки их ружей холодно поблескивали на осеннем солнце.

Мне захотелось бежать куда глаза глядят. Прочь из этого

сна, из этого бреда. Бежать от самой себя и всего, что вижу. Но ноги вросли в камень.

Новый день уже дышал холодом. Из рта солдат вырывались легкие облачка пара, а ветер кружил по брусчатке первые желтые листья лип. Простые люди, истопники в засаленных передниках, кухонные мужики, тащившие тяжелые корзины с битой птицей, горничные в темных платьях и белых чепцах, сновали туда-сюда, точно зная свои маршруты. И только я стояла, как блаженная, судорожно вцепившись пальцами в грубую ткань своей юбки. Мне казалось, что каждый проходящий мимо лакей смотрит на меня с подозрением.

«Думай, думай!» — забилась в голове сиротливая мысль. Водовоз привозит воду снаружи, значит, он должен стоять у главных ворот, которые ведут к Неве или на площадь. Я заставила свои одеревеневшие ноги сделать первый шаг по мокрым булыжникам, наугад направляясь к самой большой арке, где сквозь проезд виднелась широкая городская улица. Каждый шаг давался с невероятным трудом и болью. Я хромала, втянув голову в плечи, отчаянно вглядываясь в лица прохожих, надеясь увидеть хоть какую-то зацепку: бочку, лошадь или человека, который спасет меня от этого невыносимого, парализующего незнания.

Шаг за шагом приближалась к высокой кованой арке, за которой шумел город-призрак. Мостовая под ногами казалась ледяной даже сквозь толстую подошву моих грубых

башмаков, а балтийский ветер, ворвавшийся в проезд со стороны Невы, заставил покрепче обнять себя руками.

Выйдя из арки, едва не вскрикнула и отшатнулась к каменной стене дворца. Здесь были ворота. И действительно стояли водовозы. Но не один и не два. Передо мной выстроилась целая вереница громоздких деревянных телег, на которых лежали огромные, стянутые железными обручами бочки.

В голове сразу всплыли обрывки каких-то исторических фактов: цвет бочки! В Петербурге в дореволюционные века цвет бочки водовоза зависел от того, откуда везли воду. Но какого цвета была бочка с водой для дворцовой бани? Белая? Зеленая? Желтая? Передо мной стояли бочки самых разных грязных оттенков, и на каждой из них сидел хмурый, заросший бородой мужик в промокшем кожаном фартуке и рваном армяке. Они курили короткие трубки, шумно плевали на землю и лениво переругивались между собой. Лошади, впряженные в телеги, уныло жевали овес из привязанных к оглоблям мешков, шумно фыркая и роняя пену на мокрую брусчатку.

— Эй, девка! Чего застыла, аки изваяние? — зычный, прокуренный бас заставил меня подпрыгнуть.

На меня смотрел пожилой мужик с окладистой седой бородой, сидевший на козлах телеги с большой бочкой, выкрашенной в поблекший синий цвет. У него были цепкие, умные глаза, которые буквально сканировали меня.

Пересохло в горле. Паника сдавила грудь так, что едва могла дышать. Нужно было сказать что-то простое. Что-то, что говорят местные.

— Мне... воду. В баню, — выдавила из себя, стараясь, чтобы голос не дрожал, хотя зубы уже готовы были застучать от холода и страха.

Водовоз прищурился, вытащил изо рта дымящуюся трубку и сплюнул под копыта своей кобылы.

— Ишь, в баню ей. Всем в баню надо, — проворчал он, но, к моему дикому облегчению, не заподозрил во мне пришельца из будущего. — Дак ведь придворная баня-то, чай, у Квартального корпуса, с той стороны двора! Что ж ты к Неве-то прибежала, беспутная? А ну, бери ведра, Архип как раз туда две бочки повез. Беги за его телегой, не то без горячей воды господа останутся. Спину тебе управляющий-то живо перетянет!

Он махнул рукой куда-то назад, вглубь огромного двора, где как раз тяжело разворачивалась очередная лошадь, тащившая за собой непомерных размеров бочку.

Я даже не успела поблагодарить его. Сердце колотилось в ушах. Баня у Квартального корпуса. С другой стороны двора. Я понятия не имела, где этот корпус, но телега Архипа, громоздкая, со скрипучими колесами, уже медленно показывалась по булыжникам обратно в глубь дворцового каре.

Схватив стоявшие у стены тяжелые деревянные ведра с толстыми веревочными ручками (даже не заметила, как под-

хватила их около конюшни), я почти бегом пустилась вслед за телегой. Ведра больно бились по коленям, подол длинного чужого платья путался в ногах, а колеса водовоза громы-хали впереди, увозя мою единственную ниточку к спасению вглубь этого огромного, холодного и совершенно чужого лабиринта.

Грохот окованных железом колес Архиповой телеги эхом разлетался от высоких стен Зимнего дворца. Я бежала следом, едва поспевая за тяжелым шагом ломовой лошади. Деревянные ведра оттягивали руки, веревочные ручки безжалостно резали ладони. В голове еще не было мыслей о том, как я все смогу дотащить, когда моя ноша наполнится водой. Я смотрела только на бочку впереди, боясь упустить ее из виду хотя бы на секунду.

Мы миновали еще одну темную арку и повернули в более узкий, затененный проезд. Здесь пахло сыростью, подвалом и печным дымом. Телега, наконец, остановилась возле невысокого каменного приземистого здания, пристроившегося к монументальной дворцовой стене. Из его невысоких окон валил густой, белый пар, который тут же растворялся в холодном воздухе. Наконец-то. Баня.

Водовоз Архип, коренастый мужчина в насквозь промокшем кожаном фартуке, прыгнул с козел на землю. Он даже не посмотрел в мою сторону. Для него я была лишь безликой частью огромного дворцового механизма. Откинув тяжелую щеколду на задней части бочки, он вставил в нее ши-

рокий деревянный желоб, направленный прямо в открытое окно цокольного этажа. Зажурчала вода.

— Чего стоишь, дура? — Из дверей бани, окутанная облаком горячего пара, высунулась дородная женщина с красным, распаренным лицом и мокрой тряпкой через плечо. — Набирай в ведра из чана, да таскай на женскую половину! Живее, простынет все!

Я робко шагнула внутрь, и меня тут же обдало мокрым, душливым теплом. После уличного холода кожа за секунду покрылась испариной. В полумраке предбанника стояли огромные чаны, куда с шумом из желоба лилась холодная нельская вода. Вокруг суетились другие девки, которые ловко подхватывали полные ведра и исчезали за тяжелой дубовой дверью, откуда доносился стук деревянных шак.

Мне ничего не оставалось, как опустить свою ношу в ледяную воду. Наполнившись, они стали практически неподъемными. Колени задрожали, когда я попыталась только лишь приподнять. Кое-как удерживая равновесие, разбрызгивая воду на свои несчастные башмаки, с трудом сделала шаг к дверям мыльной половины. И вдруг все смолкло. Девки с ведрами испуганно прижались к стенам.

В дверях предбанника, загородив собой свет, выросла фигура. Сердце у меня ухнуло куда-то в пятки. Побежали шепотки: «Смотритель... Лукьян Степанович!»

Это был суровый, чисто одетый, высокомерный мужчина. Его тяжелый, холодный взгляд хозяйского надсмотрщика

скользнул по перепуганным служанкам и остановился прямо на мне. Он сделал шаг вперед. Его начищенные до блеска сапоги скрипнули в звенящей тишине бани.

Он медленно подошел ближе. От суконного кафтана пахло табаком и уличной сыростью. Этот запах резко разрезал банный пар. Взгляд немигающих глаз медленно опустился на мои руки, которые судорожно, до белых костяшек, цеплялись за веревочные ручки ведер.

— Воду, значит, таскаешь? — тихо, почти ласково спросил он. От этого тона по моей спине, несмотря на душный жар бани, побежали ледяные мурашки. — А коромысло тебе зачем дадено, чумная? Или спину сломать хочешь?

Девки вокруг замерли, боясь даже вздохнуть. Я молчала, потому что язык намертво прилип к гортани. Коромысло. Точно! В углу предбанника стояла целая вязанка изогнутых деревянных палок с крючками. Все нормальные служанки носили воду на плечах, а я, как глупая городская туристка, тащила неподъемные ведра в руках, согнувшись в три погибели. Моя маскировка трещала по швам из-за такой нелепой мелочи.

Он сделал еще шаг, сокращая расстояние между нами до минимума. Из-за его широких плеч я больше не видела дверей, меня загнали в угол.

— Чья ты будешь, девка? — Его голос стал жестче. Он протянул руку и бесцеремонно схватил меня за подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза.

Пальцы у него были сухие и мозолистые. — Что-то я тебя на кухне не помню. И у прачек тебя не было. Чья, спрашиваю?

В его глазах промелькнуло не просто недовольство строгого начальника, а опасное, хищное подозрение. Для этого мира я не существовала. Была человеком без имени, без документов, без хозяина. Если он сейчас позовет дворцовую стражу или гвардейцев, меня швырнут в сырой подвал Петропавловской крепости, а это дорога в один конец. Надо было что-то соврать. Прямо сейчас. Но панический страх полностью парализовал мой мозг, оставляя только дикий стук сердца в ушах.

Пальцы надсмотрщика все сильнее вжимались в подбородок. Времени на раздумья не было. Страх перед Петропавловской крепостью выжег из головы все сомнения, и я выпалила первое, что пришло на ум. Дикую, безумную смесь из школьных уроков истории и кулинарных статей, которые когда-то лениво листала в интернете. Надеюсь, не ошиблась веком и ничего не напутала.

— Меня... меня прислали из Марьино! Из имения графа Павла Строганова, — голос сорвался, но я упрямо вскинула голову, пытаясь придать лицу гордый вид. — Моя прежняя хозяйка, вдова, графиня София Владимировна Строганова, лично отправила в Петербург!

Надсмотрщик на секунду замер. Строгановы. Граф Павел был когда-то одним из самых близких друзей юности Государя Александра Павловича, членом его Негласного коми-

тета. Это имя во дворце знали все. Малейшая ошибка в отношении человека из такого дома могла стоить зрителю места. Его хватка на моем подбородке едва заметно ослабла, но подозрение из взгляда не исчезло.

— Из Строгановского, говоришь? — процедил он, прищурившись. — И что ж графине за нужда посылать деву-неумеху к нашему батюшке Императору, коли ты даже ведра без коромысла поднять не в силах?

Сердце колотилось так, что казалось, его стук пробивается сквозь пар и оглашает пространство, подобно колокольному звону. Надо было дожимать легенду, пока он не отправил лакея проверять списки.

— Так я не по воде мастерица! — отчаянно продолжала врать, стараясь говорить увереннее. — Меня не для черной работы растили. Графиня Строганова дружбу водила с самой мадам де Сталь, когда та в Россию от Наполеона бежала! Французские мастера мадам де Сталь меня кулинарному искусству обучали, тонким соусам да паштетам по-парижски. У меня... образование тонкое! А на кухне Зимнего сейчас суматоха, ваши повара с ног сбиваются. Вот меня из Строгановского дома в помощь придворным мэтрам и откомандировали. А в баню я пошла, потому что... велено было принести воды. Думала, рук не хватает и дело срочное. А так-то, работы не боюсь, чем смогу, всегда помогу.

Я замолчала, тяжело дыша. Вокруг нас по-прежнему висел удушливый банный пар, а девки-банщицы смотрели на

меня теперь не просто со страхом, а с диким, суеверным почитанием. «Кулинарное образование от французов» для них звучало, как сказка про Царевну-Лебедь.

Лукиян Степанович сделал паузу, и в тишине было слышно только, как вода капает с ведра на каменный пол.

— И что же за французы тебя обучали? — медленно спросил зритель. Это прозвучало даже не как вопрос, а скорее, как приговор. Не поверил. Но не потому, что я плохо играла. Нет. Просто он слишком хорошо знал этот мир. Он знал, что поваров из Строгановского дома не посылают в баню за водой. И что вдовствующая графиня не стала бы доверять кулинарное искусство случайной девке.

— Мари-Антуан Карем... — пропищала я.

Он прищурился в довольной улыбке, как будто смакуя. Как кот, который поймал в свои когтистые лапы мышку. Я назвала имя, которое он не мог не знать. И теперь будет следить за мной. Всегда.

Мужчина кивнул, как будто подтверждая что-то для себя, и отступил на шаг.

— Так тому и быть, — проговорил он спокойно. — Поди на кухню. Если ты такая мастерица, как говоришь, тебя там проверят. А ежели нет, волоком ворочу обратно в Марьино, к твоей графине. С сопроводительным письмом. С объяснением, что у нас лжецов да ворье не держат. — И усмехнувшись, медленно опустил руку.

Эта усмешка была страшнее хлыста.

Его пальцы оставили на коже горящие красные следы. Он смерил меня взглядом с головы до ног. От испачканного в коношне подола и мокрых башмаков до испуганного, но упрямого лица. Моя история прозвучала невероятно, но в ней было слишком много реальных и опасных для него имен, чтобы он рискнул сходу учинить надо мной расправу.

— Стряпуха, значит, — задумчиво повторил, вытирая руку о сукно своего кафтана, — Ну, коли так... Забирай ведра и проваливай к своим печам. Там сия вода тоже пригодится. Живее! Не то под горячую руку попадешь.

Надсмотрщик еще секунду буравил меня взглядом, а затем резко развернулся на каблуках.

Его уход показался мне чудом. Но радоваться было рано: теперь нужно подкрепить свою ложь делом.

Я повернулась к углу предбанника, где стояли коромысла. Наблюдая за другими девушками, быстро поняла, что тащить такую ношу в руках через весь двор, значит, снова выставить себя на посмеище, вызвав подозрения. Подняв тяжелую, гладко вытесанную деревянную дугу, тут же примерила ее к плечам. Она оказалась тяжелее, чем казалась на первый взгляд, и пахла сырым деревом.

Кое-как, неуклюже зацепив железными крюками веревочные ручки полных ведер, попробовала встать. Вода тут же выплеснулась, обдав мои ступни ледяными брызгами. Коромысло больно врезалось в шею и правое плечо, кости жалобно хрустнули. Балансировать с этим грузом оказалось насто-

ющим адом. Стоило качнуться вперед, как заднее ведро начинало тянуть назад. Сжав зубы и пытаясь хоть как-то удерживать равновесие, пошатываясь, словно канатоходец, медленно побрела к выходу на улицу.

Холодный ветер снова обжег распаренное лицо и мокрые насквозь ноги, как только оказалась во дворе. И тут до меня дошел весь ужас ситуации: я опять понятия не имела, где во дворце находится кухня.

Зимний дворец — это тысяча комнат. Куда идти?

Коромысло впилося в плечо так глубоко, будто кто-то вбивал в кость раскаленный гвоздь. Вода в ведрах раскачивалась, оставляя за мной мокрую полосу на булыжниках. Каждый шаг отдавался глухим звоном в висках. Я шла наугад, сворачивая в первые попавшиеся арки. Вместо кухни каждый раз упиралась то в глухие стены, то в кладовые с закрытыми дверями, то в каретный сарай, где лакеи выкатывали экипажи, даже не взглянув на меня.

— Эй, девка! Куда прешь? — рявкнул кто-то из проходящих, и я едва увернулась от груженной телеги с дровами, которую толкали два мужика.

— Простите... мне нужно на кухню, — выдохнула я, но они уже скрылись за углом.

Двор величественного дворца оказался лабиринтом, выстроенным по чужой логике. Здесь не было табличек, не было указателей. Только стены, которым нет конца, окна с мелькающими тенями и запахи: дым, конский навоз, прелый

лист. Я перехватила коромысло поближе к шее, чувствуя, как дерево врезается в ключицу, и попыталась прислушаться к себе. Где-то за толщей камня должен был слышаться звон посуды, голоса поваров, шипение масла. Но здесь, во внутреннем дворе, доносился лишь стук колес и далекий, приглушенный гул города за стенами.

Я свернула в проулок между флигелями. Здесь было темнее, еще более сыро, пахло котельной и старой золой. Ноги скользили по мокрой брусчатке. В какой-то момент, поскользнувшись, едва удержала равновесие. Правое ведро качнулось, обдав сапоги ледяной водой. Вода тут же затекла внутрь, и холод обжег ступни, поднимаясь к щиколоткам. Закусив губу, чтобы не вскрикнуть, пошла дальше, считая шаги.

Вдруг из-за поворота выскочил мальчишка в засаленном фартуке, с охапкой сухих дров. Он едва не сбил меня с ног, но я успела отшатнуться, и одно ведро с грохотом ударилось о стену, расплескав половину воды.

— Ты чего, сдурел? — вырвалось у меня.

Мальчишка замер, круглыми глазами уставившись на меня. Потом хихикнул и побежал дальше, что-то прокричав через плечо. Не смогла разобрать слов, но в них явно слышалась насмешка.

Отчаяние подступило к горлу. Прислонившись спиной к холодной стене, закрыла глаза и почувствовала, как ноша тяжелеет с каждой секундой, как мокрые ленты платья липнут

к ногам, а в ушах звенит от напряжения. «Где ты, когда ты мне так нужен? — мысленно закричала я, обращаясь к Карему. — Почему я не чувствую тебя?»

Но в ответ только ветер, пробивающийся сквозь арку, и далекий, насмешливый перезвон колоколов.

Глубокий вдох и выдох, чтобы вновь найти силы открыть глаза. Впереди, за очередным поворотом, мелькнула чья-то спина. Это была женщина в темной накидке, с корзиной в руках. Она шла быстро, но не бежала, и я уцепилась за образ, толкая вперед онемевшие ноги.

— Женщина... Мадам... Барышня! Пойдите! — крикнула я, что есть силы, но голос прозвучал хрипло, как у чайки. Женщина обернулась. Лицо бледное, с усталыми глазами, черный платок на плечах.

— Чего тебе? — спросила она безразлично, но все же остановилась.

— Кухня... — выдохнула я, с трудом ворочая языком. — Где здесь кухня?

Женщина прищурилась, окинула меня взглядом с головы до ног, задержалась на мокрых башмаках, потом на коромысле и усмехнулась.

— Пошла за водой, а куда нести не кумекаешь? — Она слегка качнула головой, указывая куда-то за спину. — Ступай прямо, через арку, потом налево. Там увидишь пристройку, где дым валит. Только это служебный ход. А ты, гляжу, новенькая, с конюшни, что ли? Не ходи сюда с ведра-

ми на виду, коли управляющий увидит, в шею наступит.

Хотела поблагодарить, но она уже отвернулась и скрылась за дверь. Слова «прямо, через арку, налево» забились в голову, как единственная нить Ариадны. Я рванула вперед, почти не чуя ног, сжимая коромысло, которое теперь казалось не просто бревном, а железной перекладиной, вросшей в плечо.

Через арку, налево. Миновала еще один двор, где в углу горой лежали угольные мешки. Дальше помогла чистая физиология. Я уловила смену запахов. В воздухе отчетливо запахло жареным мясом, топленым салом, печеным тестом и какими-то пряными травами. Запах был таким родным и ярким, что он как будто оставлял еле заметный след в воздухе, по которому можно идти, как по хлебным крошкам, оставленным на дороге. Я, словно ищейка, сделала новый робкий шаг.

Передо мной было низкое каменное здание с закопченными стеклами, из трубы которого валил густой, жирный дым. Оттуда доносился звон утвари, стук ножей о разделочные доски и, о счастье, запах жареного лука и ржаного хлеба.

Ноги понесли меня к двери, обитой железом. Я толкнула ее плечом, и она со скрипом открылась, выпуская облако горячего пара.

Внутри было жарко, душно, еще сильнее пахло топленым маслом. Вокруг мелькали лица, руки, медные миски. Словно слепая, шагнула в это пекло, готовая упасть от изнеможения.

За мной, на пороге, осталась мокрая лужа, которую никто не замечал.

Императорская кухня Зимнего дворца располагалась на первом и полуподвальном этажах северо-восточного ризалита, сгруппированная вокруг внутреннего дворика, который в народе называли Кухонным или Черным. И сейчас поняла, почему. Воздух здесь был густым, жирным, осязаемым: смесь пара и угольного дыма, которая въедалась в поры, в волосы, в легкие. Екатерина II когда-то приказывала вывести кухни из дворца из-за «великой нечистоты и нехорошего духа». Но кухня осталась. И теперь этот дух обрушился на меня со всей своей вековой мощью.

Пространство простиралось вглубь сводчатого зала, теряясь в полумраке. Вдоль стен громоздились огромные дровяные печи: чугунные монстры с раззявленными топками, где плясало оранжевое пламя. Они дышали жаром, как живые существа. Рядом с печами находились тяжелые чугунные плиты, где шипели и булькали гигантские медные котлы и кастрюли, отполированные до зеркального блеска бесчисленными руками.

Повсюду сновали люди: повара в засаленных фартуках, поварята с красными от жара лицами, девушки-посудомойки у чанов с водой. Все звуки сливались в единый гул: команды, ругань, звон посуды, шипение масла. Вдоль стен тянулись массивные дубовые разделочные столы, иссеченные тысячами ножевых ударов, на которых лежали горы овощей,

тушки птиц, куски мяса.

Я перевела дыхание, чувствуя, как пот заливает глаза. Сгибаясь под тяжестью ноши, одновременно с этим пыталась проморгаться, чтобы не щипало глаза, и оглядеться. Вдруг заметила, что в этой кухне есть своя, невидимая глазу структура. Вон там, в глубине, наверное, кондитерский цех, где пекут хлеб и пироги. Дальше заготовительный. Где-то рядом горячая станция, предназначенная для главных блюд Его Императорского Величества. Через приоткрытую маленькую дверь угадывались подвалы: ледники, кладовые, склады. Это был целый город, живущий по своим законам.

— Ты чего встала как вкопанная? — крикнул какой-то мужик, проносясь мимо с огромным противнем. — Воду давай сюда, в чан! Живо!

Я кивнула и, собрав последние силы, потащила коромысло к огромному деревянному чану у стены. Опустив ведра, с облегчением скинула ношу с плеча, чувствуя, как онемевшие мышцы пульсируют болью. Остатки воды, что смогла сохранить по дороге, с грохотом вылились в чан.

Выпрямившись, потирая плечо, почувствовала, как оно горит от синяков. С любопытством огляделась снова. Да, здесь было грязно, шумно и опасно. Но в этом хаосе чувствовалась сила и мощь, способная накормить тысячи.

Больше на меня никто не обратил внимания, так как каждый был занят своим делом.

И вдруг все замерло. То есть буквально. Мне на секунду

показалось, что даже языки пламени в печи остановились. Главная дверь Императорского кухонного комплекса открылась и в облаке пара, пропуская холодный воздух с улицы, в помещение вошел ОН.

ГЛАВА 3

Я прекрасно понимаю, что любовь к хорошей еде порой заходит слишком далеко, но разве у какой-либо страсти бывают излишества?

Альфонс Карр,

предисловие к «Физиологии вкуса» Брилья-Саварена, 1826 г.

На мгновение мне показалось, что сама Балтика вошла в это пекло ада. Сырая, ледяная, пахнувшая солью и штормом.

Он стоял на пороге, и я узнала его сразу. По гравюрам в книгах, по портретам, которые видела сотни раз. Но настоящего Карема никогда не могла представить в своем воображении.

Высокий, выше, чем казался на старинных рисунках, но до странности худой. Влажный сюртук облепил узкие плечи. Сквозь темное сукно проступала каждая линия ключиц. Его лицо, бледное до синевы после шторма, было изможденным: под глазами залегли глубокие тени, щеки ввалились, а губы, обветренные и потрескавшиеся, плотно сжаты. Тонкая по-

лоска крови на уголке рта выдавала, что он недавно кашлял. Тем самым кашлем, который слышала за секунду до того, как провалиться в эту реальность.

Но глаза... глаза горели! Карие, пронзительные, чуть прищуренные, они обводили кухню с той холодной, почти академической оценкой, с которой он привык рассматривать чертежи будущих тортов. Казалось, он видел не просто печи и котлы, а пропорции, перспективу, конструкцию. Он был архитектором, попавшим на стройку. И это был его первый взгляд на императорскую кухню. Взгляд, в котором читалось разочарование, любопытство и стальная воля все изменить.

Его волосы, коротко и сбивчиво подстриженные, еще хранили влагу: темные пряди прилипли к вискам, все равно пытались упрямо чуть завиваться. Кое-где на них виднелись следы соли, оставшиеся после балтийской воды. Он провел рукой по лицу, смахивая капли. Я заметила, как дрожат пальцы, то ли от холода, то ли от напряжения, которое он не позволял себе показывать. Пальцы художника: тонкие, длинные, с заметными въевшимися чернилами у основания ногтей, вечный след от пера, которым он записывал свои рецепты и чертил эскизы.

На нем был сюртук из тонкого темно-синего сукна хорошего качества, но дорожного покроя, который, судя по всему, он носил уже несколько дней. Воротник рубашки, когда-то белоснежный и накрахмаленный, пожелтел от морской влаги, кружевное жабо висело унылой, потемневшей

тряпкой. Но даже в этом помятом виде он сохранял осанку человека, привыкшего стоять перед королями. Никаких украшений, кроме маленькой серьги в левом ухе, скромной, почти незаметной, серебряной. Историки писали, что он носил ее в память то ли о матери, то ли о Париже.

Карем шагнул на кухню, и даже его походка выдавала человека, только что сошедшего на сушу после долгой качки: ноги слегка расставлены, чтобы удержать равновесие, тело чуть подается вперед. Он двигался как корабль, который только что вошел в гавань, еще робко, но уже беря курс.

— *Quelle pagaille...* — прошептал он по-французски. — *Quel chaos...*⁶

Голос был низким, чуть хриплым от соленой воды и усталости, но в нем звенела сталь. И когда он на мгновение остановился, чтобы перевести дух, я увидела, как его грудь вздымается под влажным сукном, а на губах снова проступает капелька крови. Он кашлянул. Сдавленно, коротко и быстро вытер рот платком.

Никто на кухне не смел подойти к нему. Повара замерли у печей, поварята попрятались за котлами. Они знали: этот человек не просто гость. Это человек, который теперь будет здесь командовать.

Я стояла у своего чана с водой, не в силах пошевелить-

⁶ Какой беспорядок... какой хаос...

ся. Все внутри кричало: «Это он! Это ОН!». Мне вновь показалось, что все это игры разума. Такое просто не может случиться и стать явью. В одно мгновение вся паника мира накрыла мое сердце. Мозг лихорадочно обрабатывал все произошедшее за последние несколько часов. Девятнадцатый век. Судя по тому, что я вижу, — это 1819 год, потому что именно в сентябре 1819 года Карем посетил Россию. Эпоха правления Александра I. Семь лет после победы над Наполеоном в Отечественной войне, и Петербург еще помнит дым московских пожаров. И я, кондитер XXI века стою посреди этих безумных дней.

Сердце колотилось так, что я слышала его стук сквозь гул кухни, отражающийся в медных боках сотейников. И все же, я широко открытыми глазами жадно смотрела на него, на этого худого, мокрого, продрогшего человека, который пережил шторм, чтобы попасть сюда. И вдруг очень четко, ясно осознала: я здесь не случайно. И он тоже. Эта встреча должна была произойти. Наперекор времени и пространству.

Тишина в вечно работающей кухне затянулась. Люди начали переминаться с ноги на ногу, поглядывая то друг на друга, то на гостя.

Он сделал уверенный шаг вперед и спокойно заговорил на французском. Спасибо всем Богам прошлого, настоящего и будущего, что учила этот язык!

Его голос разрезал кухонный грохот не криком, а удивительной, почти неестественной для этого хаоса собранно-

стью. Я медленно опустила пустые ведра, боясь снова пошевелиться.

Это был сухой, глубокий баритон с едва уловимой, бархатистой хрипотцой, как следствие долгих лет, проведенных у раскаленных плит в угаре древесного угля. В его тембре не было салонной изнеженности, но не чувствовалось и грубости. Это был голос человека, привыкшего повелевать: стальной и удивительно чистый. Когда он говорил, казалось, что не просто произносит слова, а выкладывает их, как безупречно обтесанные мраморные блоки.

Для меня его живая речь стала настоящим фонетическим шоком. Она звучала совсем не так, как я привыкла слышать в современном Париже. В ней не было ленивой, смазанной плавности. Повар говорил быстро, чеканно, с жестким ритмом, похожим на сухую барабанную дробь. Каждое ударение падало строго на конец слова, как финальный удар судейского молотка. Его знаменитый французский «р-р-р», такой небрежный, гортанный, грассирующий, слегка картавый, в замкнутом пространстве кухни обретал почти физическую осязаемость. Звук рокотал где-то в глубине его горла, вибрируя, как натянутая струна, особенно когда он произносил кулинарные термины. Мягкие, уходящие в нос гласные, которые в исполнении обычных людей кажутся высокомерными, у него звучали как изысканное, тайное заклинание. Он не повышал голоса, но в его манере растягивать одни слоги и резко, словно гильотиной, отсекал другие, чувствовалась

колоссальная, подавляющая сила. Кухня мгновенно затихла, и в этой тишине его изящная, но смертельно опасная для любого нерадивого поваренка речь струилась, как дорогой глянцевого ганаш, безупречно гладкий, горячий и не терпящий ни единого изъяна.

— Я прибыл в этот город, преодолев ярость балтийских волн, лишь для того чтобы увидеть здесь... ремесленную рутину и унылый хаос, — тихо, но так, что звук разлетелся под каменными сводами, начал Мастер. — Вы замерли у своих печей, как испуганные дети. Но я пришел не судить вас. Я пришел напомнить вам, кто вы есть.

Он сделал шаг вперед, и поварята инстинктивно вжали головы в плечи. Его взгляд на мгновение скользнул по мне, застывшей у чана, но тут же вернулся к притихшей кухонной бригаде.

— Послушайте меня, молодые люди. Вы полны рвения, трудолюбивы и ловки! Вы имеете благородное желание преуспеть в своем призвании! — Карем возвысил голос, и в его глазах блеснул тот фанатичный огонь, который я столько раз пыталась разглядеть на гравюрах. — Наше ремесло не терпит посредственности. Наш труд подвластен часу и минуте, и мы не можем отложить момент подачи блюд. Честь повелевает нами! Надобно повиноваться даже тогда, когда физические силы иссякают, а горящий уголь очагов убивает нас. Пусть за пределами этих стен кулинарию низводят до последней ступени самых темных и грязных ремесел, но только в нашей

власти показать все ее величие.

По кухне пронесся тихий, благоговейный вздох. Русские повара заворуженно ловили каждую интонацию этого экзотического заклинания, подчиняясь чистой магии его властного голоса.

— Мы с вами, все мы: рабы красоты, — продолжал Карем, чеканя каждое ударение. — Мы должны из кусочков теста, которые поначалу почти ничего не значат, делать вещи, приятные взору и одновременно пробуждающие чувство. Глаза — есть суть первых судей в нашем ремесле. Усладить взор и обоняние — такая задача не из легких. Имейте же мужество и упорство! Пусть не отталкивают вас ваши поиски, изгоняйте всякую несбыточную идею и уповайте во всем на время и на труд! Сделайте так, чтобы ваши творения готовились рукою Граций, и тогда гурманы станут еще большими гурманами, вкушая изысканные и совершенные яства!

По кухне раздался приглушенный шепот: «Хорошо стелет, чертяка», «Подвешенный язык, однако, у этого барина», «Готовить-то когда начнем?». А затем одна поломойка тихонечко хихикнула: «Какой хорошенький».

Карем внезапно остановился прямо напротив массивного дубового стола, где испуганно прижались к стене кухонные девки. Взгляд скользнул быстро, оценивающе. Затем еще раз, но более внимательно посмотрел на меня. Его суровый взгляд неожиданно смягчился, наполнившись истинно французской, галантной торжественностью. Он чуть скло-

нил голову, обращаясь как будто ко мне лично:

— Да, любезные и очаровательные женщины... Я могу, в свою очередь, предложить вам несколько новых идей в области изысканных лакомств. И в моих рецептах не будет ничего, что не было бы достойно вашего утонченного и нежного вкуса. Уделите же несколько мгновений искусству, которое у чувственных народов всегда составляло отраду общества. Это искусство должно в будущем обеспечить вам легкое и благотворное занятие, которое сохранит ваше здоровье, ваше очарование и одновременно доставит вам те удовольствия, кои можно найти лишь на дружеских собраниях. Пусть отныне наши любезные творения станут бесценными, будучи творением пола, составляющего прелесть жизни!

Он резко повернулся на каблуках обратно к печам, и его мокрый сюртук взметнулся, словно знамя. Спазм кашля вновь перехватил горло, но Мастер лишь выпрямил спину.

— А теперь — за работу! Очистить печи! Растолочь головы сахара, да просеять его через шелковое сито. Истереть миндаль, приготовить кондитерскую мастику! Мы докажем этому дворцу, что французская кухня — самая ученая и самая ценимая во всей Европе. Живее! По местам!

Кухня Зимнего дворца, секунду назад казавшаяся мертвой, оглушительно взорвалась звуками. Поварята бросились к дровам, загремела медная посуда. Я стояла, чувствуя, как внутри меня все вибрирует от восторга и леденящего страха. Его речь была манифестом, который откликался в каждой

клеточке моей души. Время действительно дало трещину. И прямо сейчас мне нужно было сделать свой выбор: остаться безликой служанкой у чана с водой или шагнуть в огонь его безумной кулинарной архитектуры.

К Карему подошел один человек. Не знаю, был ли это главный повар или какой-то управляющий, может быть, *mâitre d'hôtel*⁷:

— А разве барин не хочет отдохнуть с дороги? Мы и баньку растопили специально к вашему приезду.

Рядом стоял повар, похожий на француза. Он округлил глаза при этих словах и еле заметно замахал руками так, чтобы Мари-Антуан заметил этот невольный жест. Гость дворца посмотрел на него вопросительно, и тот, улыбнувшись, произнес доверительно:

— Что русскому хорошо, то французу смерть.

Все заулыбались, а кто-то даже гоготнул в голос.

Шеф нахмурился. Ему не нравилось общее веселье и расслабленность.

— Я приехал, — строго проговорил он, — не для того, чтобы лишь усладить ваш взгляд своим присутствием. Я здесь, чтобы изменить мир «древней» русской кухни, сделав ее совершенной. Такой, которая станет примером во всем мире, не уступая в своем величии французской гастроно-

⁷ Метрдотель в 19 веке, эпоху зарождения высокой кухни (*haute cuisine*), был не просто распорядителем в зале, а высшим должностным лицом на господской кухне и главным интендантом, верховным организатором всего гастрономического процесса.

мии. Время не на нашей стороне. Поэтому еще раз прошу, в последний раз, за работу.

Каждый пошел заниматься своими обязанностями. А я как вкопанная стояла со своим пустым ведром.

Собрав всю волю, все оставшиеся силы, остатки разума (или слабоумия?) сделала шаг к нему.

— Месье Карем, — начала я по-французски, вспоминая весь свой словарный запас, — простите мою наглость, что я решила обратиться к вам на прямую. Меня зовут Агата Гишардова. Я кондитер. Я хочу служить вам, стать вашим учеником. Пожалуйста, не ломайте мою надежду и дайте шанс. Готова пройти все испытания, какие вы только решите мне устроить.

Карем замер. Шум очищаемых печей и грохот медных котлов позади нас словно стихли. Он медленно посмотрел на меня, смерив долгим, тяжелым взглядом. В его глазах не было злости или презрения, лишь глубокое удивление человека, чьи незыблемые правила мира только что попытались нарушить.

Выпрямив спину, заговорил. Его голос звучал тихо, но в нем отчетливо звенела сталь:

— Вы удивительная девушка, Агата, — произнес он мягко, но чеканя каждое французское слово с тем самым безупречным ритмом, который звучал для меня, как музыка вальса Моцарта. — Ваш ум методичен, и у вас сносное французское произношение. Но то, о чем вы просите... невоз-

можно. Вы дитя своего сословия, но, что еще важнее, вы женщина. А высокая кухня не терпит компромиссов. Она принадлежит мужчинам.

Он сделал короткий жест рукой в сторону пылающих очагов, откуда валил сизый дым и удушливый жар, от которого у меня уже кружилась голова.

— Посмотрите на эту огненную пучину, — его голос стал суровее. — Посмотрите на эти вертела, где вращаются туши весом в тридцать килограммов. Это не просто искусство, это тягостный, изнурительный физический труд, который калечит и убивает мужчин. Здесь дышат раскаленным углем, здесь часами стоят на ногах в самом полном, искупительном поту, забывая об отдыхе и еде. Ваша кожа сгорит у этих плит, ваши руки покроются шрамами. Я не могу позволить вам сгубить себя в этом пожарище.

Карем подошел ближе. На мгновение мне показалось, что в его строгом взгляде промелькнула едва заметная, теплая грусть. Он чуть понизил голос, и в манере изъясняться вновь ожила та галантная, возвышенная торжественность, которую он хранил для лучших залов Парижа.

— Ваше истинное призвание — быть музами и хозяйками своего дома. Очаг вашей семейной кухни, вот та благородная сфера, где ваш утонченный и нежный вкус будет оценен по достоинству. Дамы могут присматривать за хозяйством, давать мудрые указания поварам, контролировать подачу и даже сами создавать изысканные лакомства, фруктовые пу-

динги или ликерные желе, дабы усладить чувственность гостей на дружеских собраниях. Это легкое и благотворное занятие сохранит ваше здоровье и ваше очарование. Но готовить для Императоров, воевать с вороватыми интендантами и ночевать на каменном полу кухни... Нет, мадмуазель. Это удел мужчин, кои отдают ремеслу лучшие дни своего существования, а иногда и саму жизнь.

Он замолчал, давая мне понять, что разговор окончен. Его отказ был абсолютным, продиктованным правилами сурового века.

— Месье, — не сдавалась я, — посмотрите на мои руки. Это руки кондитера, которые не боятся тяжелого труда.

Его взгляд скользнул и задержался на пылающих, покрасневших руках от холода и тяжелой ноши ведер. Он ясно увидел и мои мозоли от скалки на ладонях, и тонкие красные полосы на тыльной стороне предплечья от раскаленных противней. На секунду во взгляде промелькнуло что-то вроде уважения, но тут же погасло. И больше ничего не сказал. Развернувшись, он пошел проверять чаны с кипящим супом.

Я сделала шаг назад, чувствуя, как к горлу подступает горячий комок обиды. Он отказал мне. Мягко, благородно, защищая меня от этого адского труда, но отказал. Мой современный диплом шеф-кондитера здесь не стоил ничего. Чтобы сломать его убеждения и заставить Короля поваров признать во мне равного мастера, мне нужно было не просто просить, мне нужно было сотворить кулинарное чудо, кото-

рое заставило бы его изменить собственную философию.

Вместо того чтобы опустить руки или, что еще хуже, могла бы сделать в этой ситуации — расплакаться, почувствовала, как внутри начала подниматься глухая, упрямая ярость. «Хорошо, Маэстро, — подумала, глядя на его худую, прямую спину. — Мы еще посмотрим, чьи руки огрубеют первыми».

Я огляделась. На кухне Зимнего дворца пахло безумием, растопленным салом и какими-то запредельно дорогими специями, названий которых даже вспомнить не могла. Вокруг меня, в тумане пара от огромных котлов, метались повара. Одна фигура выделялась особенно ярко. Тот самый важный человек, который предложил приезжему шефу баню.

— Кто это? — Я дернула за рукав пробежавшую мимо румяную девушку с корзиной корней.

— Ты полоумная? — вздрогнула она.

— Новенькая.

— Это же Федор Иванович Мюллер, наш верховный метрдотель.

— А с кем он сейчас разговаривает?

— Жан-Луи Милле, главный повар Александра Павловича. — А ты сама-то кто?

— Мюллер и Милле... как мило. Я Агата.

— Ну, добро пожаловать, Агата. Не могу обещать, что тебе тут понравится, но видно судьба у тебя такая. Я Глафира. Рассеянно кивнув, мне оставалось только исподтишка на-

блюдовать за новыми для меня и очень важными лицами. Чего от них можно было бы ожидать? Помощи или гибели?

Федор Иванович, чиновник высшего ранга, аристократ до мозга костей, облеченный почти абсолютной властью над этой гастрономической империей. Его внешность дышала немецкой аккуратностью и безупречной петербургской строгостью. Высокий, подтянутый, с идеально прямой спиной. Казалось, вместо позвоночника у него был стальной шомпол. Лет пятидесяти на вид, с благородным, продолговатым лицом. Глаза, холодного серо-стального цвета, смотрели из-под кустистых, тронутых сединой бровей с такой проницательностью, что мне показалось, он насквозь видит и кто я, и откуда, и вообще, что ела на завтрак. Его волосы, уже основательно посеребренные временем, были гладко зачесаны назад и собраны в аккуратный, тугой узел. Никаких легкомысленных кудрей, пудры или пышных париков. Как мне помнится, император их уже решительно отменил.

Держался Мюллер с фантастическим достоинством. В его осанке не было рабского подобострастия слуги, но и не было спеси выскочки. Это была монументальная уверенность человека, который лично отвечает за то, чтобы император огромной державы не был отравлен и остался доволен обедом. Он двигался плавно, но стремительно. Каждое движение сухих рук, с длинными, тонкими пальцами пианиста или хирурга, было выверено до миллиметра.

На его одежде не было и следа кухонной копоти. Метр-

дотель был облачен в парадный придворный мундир. Темно-зеленый, почти черный фрак из тончайшего сукна с высоким стоячим воротником, который буквально подпирал его подбородок, заставляя держать голову высоко и ровно. Воротник и обшлага рукавов украшены тугой, массивной золотой вышивкой с особым узором Министерства императорского двора. Под фраком виднелся белоснежный, накрахмаленный до хруста жилет и прекрасный шейный платок, завязанный сложным, аккуратным узлом. На ногах надеты облегающие темные панталоны и дорогие кожаные туфли с блестящими серебряными пряжками. От него пахло дорогим табаком, лавандовым одеколоном и... совершенным контролем.

— Тише, — произнес он.

Его голос был сухим, как скрип пера по ведомости. Но этот негромкий звук подействовал на кухню как удар грома. Шум посуды и шкворчание масла словно убавили на минимум.

Он говорил по-русски безупречно, но с едва уловимым, сухим немецким акцентом, наследием петербургских немцев, которые строили этот дворец. Этот маленький штрих придавал его речи особую весомость. Манера общения со слугами и поварами была лишена всякой грубости, никаких площадных ругательств или криков, которые практиковали русские помещики. Но в этой вежливости сквозила такая леденящая требовательность, что поварята бледнели.

— Господин Милле, — Мюллер повернулся к главному повару и заговорил с ним на чистейшем французском, плавно переходя с языка на язык. — Государь сегодня изволил долго гулять в Царскосельском парке. Обед должен быть подан ровно в четыре. Меню французское, но без излишеств. Александр Павлович требует простоты. Как говорит наш великий гость: «Истинное величие — в чистоте вкуса». Извольте проверить консоме. И уберите этот хаос.

Мюллер скользнул взглядом по разделочным столам. Заметив малейшую небрежность, будь то криво лежащий нож или пятно соуса на краю серебряного блюда, он не взрывался гневом. Он просто молча поднимал бровь и смотрел на провинившегося. Этого взгляда стальных глаз было достаточно, чтобы взрослый мужчина бросался судорожно исправлять ошибку.

Федор Иванович сделал еще два шага и внезапно остановился прямо напротив меня. Мое сердце ушло в пятки. Он медленно опустил взгляд на мои руки, затем снова посмотрел мне в лицо. Там не было удивления, лишь холодный аналитический ум человека, привыкшего управлять колоссальным механизмом, где каждая деталь должна быть на своем месте.

— Кто это? — негромко спросил он по-русски, обращаясь к неизвестному мне пока мужчине на кухне. В его голосе проступила опасная, тихая вежливость. — Христиан Кестнер, я вас спрашиваю. Новое лицо на половине Его Величе-

ства? Почему не внесена в списки? Вы же метрдотель-расходчик! Извольте объяснить, или завтра вы будете считать убытки в подвалах.

Я поняла: этот человек не упустит ни единой мелочи. В его мире, где гастрономия была частью большой политики, случайных людей не существовало. И прямо сейчас я была для него самой опасной деталью в его идеально настроенном часовом механизме.

На первый взгляд Христиан казался образцом европейской аккуратности: идеально застегнутый сюртук, ни единого пятнышка жира, педантично зачесанные назад жидкие волосы и бледное, словно кусок недопеченного теста, лицо. Но все это благолепие мгновенно рассыпалось, стоило взглянуть в его глаза. Маленькие, глубоко посаженные, водянисто-серые, они непрерывно бегали, словно костяшки на бухгалтерских счетах, просчитывая выгоду в каждой секунде. Изъяснялся Кестнер на причудливой смеси безупречного русского канцелярита и глуховатого немецкого акцента, отчего его голос звучал как шуршание сухой амбарной бумаги.

В иерархии дворца он числился метрдотелем-расходчиком, по сути, теневым хозяином всех казенных кошельков. Пока парадный метрдотель Мюллер блистал в залах наверху перед государем, Кестнер годами выстраивал свою личную «пищевую цепочку» в подвалах. Он знал поименно каждого темного дельца на Сенном рынке, помнил наизусть объемы всех подрядов и, кажется, мог по звуку падающей моне-

ты определить, сколько копеек недодали в казну и сколько из них должно упасть в его собственный карман. С поварами и русскими кухонными мужиками он разговаривал ледяным, процеженным сквозь зубы тоном, но стоило на горизонте появиться начальству из Придворной конторы, как его спина сама собой изгибалась в угодливом, почтительном поклоне. Было кристально ясно: этот человек сделает все, чтобы выжить из дворца любого, кто посмеет заглянуть в его отчетные «красные книги». Особенно какого-то заносчивого гения из Парижа.

Но он растерянно молчал, глядя на новую девку.

— Я тут по велению вдовствующей графини Строгановой, — тихо, опустив глаза, пропищала, пытаюсь спасти свою шкуру. Надо придерживаться одной версии, чтобы потом не запутаться во вранье. — Меня прислали на кухню, помогать, так как очень рукастая.

— Где твои бумаги и дорожная?

— Записка у смотрителя на пропускном пункте осталась, господин метрдотель, — тихо ответила я, лихорадочно сообщая. — Сказали, к вечеру только в списки внесут, а пока велели к мастеру Милле идти, на подхват.

Жан-Луи Милле тут же зашумел, всплеснув руками и перебивая Мюллера:

— Ah, mon dieu⁸, Федор Иванович! Оставьте вы эти чернильные страсти! Бумаги, списки... У меня раки для соуса не

⁸ Ох, мой Бог.

чищены, а эти олухи ломают панцири, как варвары! Графиня Строганова знает толк в кухарках, ее люди умеют обращаться с деликатесами. Если девчонка умеет работать, пусть докажет это прямо сейчас. Эй, ты! — Он ткнул в меня пальцем. — Живо к ракам, пока они еще шевелятся. Справишься за пять минут — закрою глаза на твои бумаги до ужина. Нет, Мюллер шкуру с тебя спустит!

«Раки! Я же кондитер!» — взывала мысленно и тоскливо. Но хорошо, что во время обучения во Франции и у меня был месяц практики на «основной кухне». Помню, когда мы с возмущением шефу Сержу Фери говорили, что «это не наше кондитерское дело, тортики да пирожные нам подавай», он многозначительно ухмылялся и назидательно щелкал пальцами в воздухе, отбивая ритм для своей тирады: «Вы никогда не знаете, какие умения вам пригодятся в будущем. Основная кухня и кондитерка — это брат и сестра. Это одна семья. Уважать одного, пренебрегая другим — святотатство». Спасибо тебе, Серж, ты был прав на сто процентов.

На огромном дубовом столе поварни шевелилась живая, темно-зеленая масса, доставленная утренним обозом. Они шуршали панцирями, высоко вскидывая клешни в бесплодной ярости. От корзин веяло сырым запахом речного ила, озерной прохлады и мокрой осоки, чуждым, диким ароматом в парадном блеске императорской кухни.

Я закатала рукава полотняной рубахи выше локтей. Времени на сентиментальность не было: огромный медный ко-

тел на плите уже исходил паром, наполняя воздух пряным духом укропных зонтиков, лавра и душистого перца. Метрдотель требовал идеальной чистоты блюда, а значит, каждый рак должен был лишиться своей горькой тайны еще до того, как его панцирь вспыхнет в кипятке.

Мои пальцы работали уверенно, без тени страха или безгливости. Я взяла первого усача сверху: крупного, отчаянно щелкающего хвостом. Перевернула брюшком кверху, зафиксировала левой рукой холодную, бугристую спинку. Пальцами правой руки крепко перехватила центральный плавник на самом кончике хвоста. Движение было доведено до автоматизма. Резкий, короткий поворот кистью, точно старинный ключ провернулся в тугом замке дворцовой секретной комнаты. Едва слышный хруст хитина, плавное, тянущее движение назад и вслед за плавником из нежного шейного мяса беззвучно вытянулась тонкая, темная нить кишки. Чисто. Без единого разрыва. Рак замер и лишь слабо повел длинным усом. Я тут же опустила его в пустой глубокий чан, где уже копошились его подготовленные собратья, и потянулась за следующим. Один. Поворот ключа, щелчок, потянуть. Два. Поворот, щелчок, потянуть. В пальцах оставалось ощущение ледяной речной воды и покалывание острых шипов на панцирях. Кожа рук пахла тиной, но этот запах перебивал нарастающий, жаркий дух кипящего пряного бульона. Внутри меня жила холодная кулинарная точность: сто пятьдесят жизней должны были стать безупречным уго-

щением для императорского стола, и моя рука не дрогнет ни на секунду перед тем, как первый десяток раков отправится в бурлящую воду.

Ко мне медленно, даже скорее с любопытством подошел Милле.

Если Федор Иванович Мюллер был ледяным, безупречным механизмом этой кухни, то Жан-Луи Милле — ее пылающим сердцем.

Личный повар Александра I стоял у гигантской плиты, окруженный облаком пара, и выглядел так, словно находился в центре священного ритуала. Внешне Жан-Луи оказался полной противоположностью сухому немцу-метрдотелю. Француз средних лет, плотного, крепкого сложения. Сразу видно, что этот человек проводит на ногах по четырнадцать, а то и более часов в сутки, лично поднимая тяжелые медные сотейники. Лицо было подвижное, округлое, с выразительными, чисто галльскими чертами, опаленное жаром кухонных печей до постоянного здорового румянца. На лбу и вокруг внимательных карих глаз, залегли глубокие морщины, как следствие вечной концентрации и привычки постоянно щуриться от дыма. Темные, с сильной проседью волосы были коротко острижены и слегка растрепаны: в отличие от гладкой прически Мюллера, шеvelюра повара жила своей, хаотичной жизнью.

Держался Жан-Луи с артистической экспрессией. В его фигуре не было придворной чопорности, но присутствова-

ла гордость истинного творца, который знает, что без его мастерства никакой трон не устоит. Он не стоял по стойке «смирно» перед метрдотелем, а слушал его, слегка наклонив голову набок, уперев одну руку в бок, а во второй лениво покачивая массивную дегустационную ложку, словно дирижерскую палочку.

Одежда главного повара отражала революцию в кулинарной моде, которую как раз в те годы и продвигал Карем. На Милле был белоснежный двубортный хлопковый поварской китель⁹ из плотной, дорогой ткани, надежно защищавшей тело от жара. На груди не было золотого шитья, зато он был ослепительно чистым, несмотря на царивший вокруг хаос приготовления обеда. Шею Жана-Луи окутывал белый хлопковый платок, протокол гигиены, призванный впитывать пот. Ниже пояса виднелся длинный передник, завязанный тугим узлом на талии и доходивший до самых щиколоток. На ногах повар носил добротные, массивные кожаные туфли на толстой подошве, единственное спасение от ледяного каменного пола.

Когда Милле заговорил, его голос заставил меня улыбнуться. Это был сочный, богатый, слегка хрипловатый тенор, говоривший на стремительном, певучем парижском французском. Тон его речи был страстным, эмоциональным, но удивительно профессиональным.

⁹ Veste de cuisine.

— C'est très bien¹⁰, Федор Иванович! — воскликнул он, и его руки тут же взлетели в воздух, подчеркивая каждое слово. — А она ловка!

Мюллер поджал губы.

— Да ладно вам, не хмурьтесь, голубчик. И консоме у нас уже прозрачен, как утренняя роса в Царском Селе! Ни капли лишнего жира, чистый абсолюте вкуса, Государь будет доволен!

Его манера разговаривать с подчиненными разительно отличалась от ледяного тона метрдотеля. Милле общался со слугами и поварятами как суровый, но любящий отец или требовательный режиссер в театре. Он мог в один момент вспыхнуть, закричать на поваренка, по-французски всплеснув руками: «Света угодники, ты погубишь соус! Нам нужен вельюте, а не клей!». Но уже через секунду он аккуратно забирал у испуганного мальчишки мутовку¹¹ и мягко, терпеливо показывал правильное движение кисти. Слуги его не просто боялись, они его боготворили и ловили каждое слово, понимая, что работают рядом с гением.

Милле повернулся к плите, сделал едва заметное движе-

¹⁰ Это хорошо.

¹¹ Аналог венчика. Проволочный металлический венчик из железа в его современном виде был изобретен во Франции и Англии на рубеже 1830–1840-х годов и стал переломным моментом для европейской кухни. Одним из первых задокументированных изобретателей считают Томаса Даудинга около 1840 года. До этого времени повара на протяжении веков взбивали продукты связками веток, прутьев или специальными деревянными лопатками.

ние пальцами, и двое помощников тут же, без лишних слов, поднесли ему глиняную чашу с соусом «Эспаньоль». Он зачерпнул каплю, прикрыл глаза, дегустируя. На его лице отразилось блаженство человека, сотворившего искусство.

А затем вновь посмотрел на меня, подмигнул. Но в его глазах читалось чисто кулинарное сочувствие: я была бледной, растерянной и, очевидно, голодной.

— Не пугайся, дитя, — негромко произнес повар по-русски, забавно коверкая слова сильным акцентом. Он сделал плавный шаг ко мне. От него пахло жареным фундуком, белым вином и свежей зеленью. — Ты выглядишь хуже, чем недоваренная спаржа. Эй, Глаша, дай ей теплого бульона.

Опуская последнего рака в чан, я с благодарностью взглянула на него.

Ко мне подбежала девушка и сунула крынку с прозрачным бульоном. Он пах жиром, овощами и надеждой. Отступив на пару шагов назад, чтобы меня не сбили в суе kitchen, жадно впилась губами в теплый навар.

Глафира стояла рядом и, когда удостоверилась, что половина мной уже выпита, начала назидательно рассказывать про устройство кухни:

— Запоминай быстро. Вон там у нас Мундкохская¹² часть. Там работают только мудхи, наши повара высшего ранга. Готовят лично для императора, императрицы и их детей. Посторонним, включая поваров других категорий, вход

¹² Императорский стол.

строго воспрещен. Это в правлении Жан-Луи. Туда даже носа не суй. Поняла?

Сглотнув и облизнув губы от жира, я судорожно кивнула.

— Дальше. Это гофмаршалский стол¹³, там метрдотельский стол¹⁴. Расхожий столовый стол¹⁵, сама видишь. Что еще есть...

Она покрутила головой и начала показывать быстро рукой, перечисляя:

— Конфектурная часть¹⁶. Кофешенкская¹⁷, тут у нас заведует кофишенк Иван Федорович Михайлов. — Она осмотрелась и махнула в другую сторону. — Там Тафельдекерская¹⁸, вотчина Христиана Мейера. Мундшенкская¹⁹, за главного Яков Данилов, наш мундшенк.

¹³ Кухонная зона, где готовились роскошные обеды для свиты, министров, фрейлин и знатных гостей дворца.

¹⁴ Здесь готовили для высших дворцовых чинов и чиновников средней руки.

¹⁵ Обеспечивает питанием многочисленную низшую прислугу, лакеев, истопников и кухонных рабочих.

¹⁶ Кондитерский цех. В XIX веке здесь не просто пекли булки. Тут отливали сложнейшие архитектурные инсталляции из сахара, делали суфле, мороженое (glaces), щербеты и варили варенье.

¹⁷ Место, откуда по дворцу расходились утренние и вечерние горячие напитки. Здесь обжаривали и мололи элитный кофе, заваривали китайский чай и готовили горячий шоколад.

¹⁸ Дословно «отделение накрывателей стола». Это огромная, стерильно чистая кладовая-цех, где хранились императорские сервизы (фарфор, серебро, золото), столовое белье и где под присмотром тафельдекера собирались парадные выезды для сервировки столов в залах.

¹⁹ Придворная винная камора, аналог сомелье-службы и винного погреба.

При этих словах я почувствовала тяжелый и терпкий запах выдержанного портвейна, а также дорогого табака. В дверях Мундкохской части появился плотный мужчина средних лет в темно-зеленом мундире, на поясе которого тихо позвякивала связка тяжелых латунных ключей. Это был, если не ошибаюсь, тот самый Яков Данилов, придворный мундшенк.

— Господин Мюллер. — Данилов хмуро посмотрел на метрдотеля, проигнорировав повара. — Я не выдам для сегодняшнего консьоме ни единой бутылки мадеры из старых запасов, пока вы не подпишете ведомость. Пролшый раз ваши поварята залили в сотейники три ведра элитного рейнвейна, словно это колодезная вода!

Его блуждающий взгляд заспанных, но пронциательных глаз внезапно зацепился за меня. Данилов прищурился, потирая пальцами подбородок:

— А это еще что за новая бутылка в нашем погребе? Федор Иванович, у вас на кухне люди появляются быстрее, чем у меня созревает бургундское.

Мюллер махнул рукой и закатил глаза:

— Мадера нужна. Хотя из-под полы доставай.

Яков прискорбно опустил голову и, что-то бормоча себе под нос, ушел обратно в свои владения.

Глафира сурово посмотрела на меня:

— Запомнила?

Мне оставалось только кивнуть, так как понимала, что запомнила лишь половину, но признать это не могла.

— Хорошо. Там с краю Судомойня²⁰. Погреба и Ледники²¹. На этом все. Отдавай плошку и иди работай.

Часы на стене Квартального корпуса отбивали время до обеда, когда грянул первый гром. Из кондитерского цеха выскочил бледный поваренок и, заикаясь от ужаса, подбежал к Милле:

— Батюшка... Жан-Луи... Беда. Закваска пивная, что от поставщиков поутру привезли, скисла вконец! Петербургская сырость ее сгубила, воняет дюже дико. Тесто на бриоши для Государя не поднимается, лежит серым комом. Что делать-то? На сегодня булки найдутся, но не первой свежести. А через пару дней откуда мы достанем их?

Карем, услышав перевод от своего помощника, резко обернулся. Его глаза сузились, а на бледных щеках выступил лихорадочный румянец. Он подошел к деже с тестом, брезгливо понюхал серую массу и со злостью отшвырнул все в сторону.

— Варвары! Невежды! У вас нет элементарного понятия о хранении! Без правильной расстойки хлеб будет иметь

²⁰ Цех очистки. Из-за невероятной стоимости императорской посуды это была зона строжайшего контроля, где за разбитую чашку из сервиза «Бабочки» можно было отправиться в солдаты.

²¹ Заготовительные «холодные цеха». Огромные подземные казематы, доверху забитые глыбами невского льда. Там в специальных дубовых ларях хранились туши дичи, окорока, живая осетрина и редкая зелень.

скверный вкус и приведет к дурному пищеварению! Я не могу подать Императору Всероссийскому это кулинарное кощунство! Что у вас есть еще?

— Ржаная закваска.

— Не подойдет. Она грубая и совершенно не подходит для бриошей.

Кестнер резко посмотрел на человека, который посмел повысить голос:

— Ну, заморский барин, ты ж у нас великий мастер. Из Парижа выписан. Вот и пеки из чего дают. А коли не выйдет — так и запишем в книги: расходы великие, а толку чуть.

Карем замер, тяжело дыша. Его гордость художника была ранена. Увидела, как он сжал кулаки, как дрогнули его плечи под влажным синим сукном. Он был один против всей этой равнодушной системы. И в этот момент мое сердце болезненно сжалось. Я больше не видела в нем строгого начальника. Я видела в нем того самого одинокого Близнеца, который горел в огне своего перфекционизма, непонятый миром.

«Сатурн, владыка времени, — вспомнила я слова мадам Мюсси. — Вы пришли доделать его дело».

Медленно и уверенно шагнула в сторону овощного цеха, где в плетеных корзинах лежали горы грязного, мучнистого картофеля. На меня никто не обратил внимания в этой панике. Вновь потуже закатав рукава, подхватила тяжелый нож и принялась с остервенелой профессиональной скоростью чистить картошку. Кожура летела во все стороны.

— Глафира! — негромко позвала я девушку, которая испуганно вжалась в стены. — Живо неси котел с чистой водой и разжигай малую печь! Будем варить картошку.

— Ты чего удумала, дурная? — прошептала она, округлив глаза.

— Делай, что говорю, если не хочешь, чтобы Мюллер нас обоих к вечеру заporол!

Через полчаса картофель уже всю булькал в медном котле. Когда он разварился до полной мягкости, я слила воду, взяла тяжелую деревянную толкушку и принялась яростно разминать все в густое пюре. Руки горели от пара, мышцы стонали, но меня было не остановить. Добавила туда горячей воды, добиваясь консистенции жидких пивных дрожжей, о которой читала в записях Мари-Антуана.

— Глаша, беги в кладовую, тащи мелассу! Патоку сахарную! И кружку свежего пива из погреба! — командовала я, чувствуя, как внутри меня просыпается шеф кондитерского цеха.

Когда она принесла кувшин, я отмерила примерно шестьдесят граммов темной, тягучей патоки на каждые полкилограмма картофельной массы и влила две большие ложки пива для активации брожения. Масса была теплой, живой. Тщательно вымешала ее деревянной веселкой прямо в глубокой глиняной миске-террине.

В этот момент над моим плечом раздался резкий, прерывистый вдох. Медленно обернулась на звук. Позади ме-

ня стоял Карем. Он подошел неслышно, привлеченный странными, не предусмотренными меню манипуляциями на овощной станции. Его взгляд, тяжелый и испытующий, опустился в мою миску с бродящей картофельной закваской, а затем медленно поднялся к моему лицу. Больше не было холодной оценки. В глазах горело то самое пламя, которое я видела на гравюрах. Пламя одержимости, смешанное с недоверием и... страхом? Он боялся не того, что увидел, а того, что это невозможно.

— Что это, Агата? — тихо спросил он по-французски, и его голос больше не звенел сталью. Он вибрировал от сдерживаемого волнения.

Я выпрямила спину, смахнула рукой пот со лба, оставляя на коже след от золы, и посмотрела ему прямо в глаза:

— Это способ приготовления дрожжей из картофеля по методу господина Эдлина, Маэстро. Через двадцать четыре часа будет готова к употреблению. Она выполняет свою задачу столь прекрасно, что никто не отличит бриоши, которые ее содержат, от хлеба на лучших парижских пивных дрожжах. Мы сварили мучнистый картофель, добавили мелассы и пива. Позвольте мне укрыть эту миску фланелью и поставить в теплое место под вашей печью, где нет сквозняков. А еще мы можем затем высушить ее на чистых деревянных подносах у печи без пыли. Тогда всегда будет запас на будущее. Ваши французские батоны для Императора будут спасены. А я как кондитер могу взять эту операцию под свой контроль,

пока вы заняты соусами у печей. С вашего разрешения, разумеется. Ведь один и тот же человек не может быть одновременно и кулинаром, и пекарем, верно?

Карем отступил на шаг, словно его ударили. Он смотрел на меня так, будто перед ним разверзлась земля. Мои слова, дословно цитирующие его собственные мысли, английские трактаты Эдлина и его еще не написанные парижские рукописи, прозвучали в тишине русской кухни как экзотическое заклинание. Бледные губы слегка приоткрылись, а пальцы художника судорожно перехватили край влажного синего сюртука.

Тишина длилась так долго, что я слышала, как угли дышат в печи. Вся кухня Зимнего дворца наблюдала за тем, как великий французский Маэстро смотрит на чумающую девушку в сером сарафане, которая только что на его родном языке продиктовала ему спасение императорского обеда. Да, он смотрел на меня сквозь всю эту тишину, но уже не как на служанку, а как на загадку, которую хочет разгадать.

— И если вы мне позволите, о чем я вас умоляю, — сложив руки на молитвенный лад, тихонько попросила, — я хочу поработать со вчерашними бриошами, которые мальчик назвал «не первой свежести». Могу сделать из них pain perdu²² или бриошь «Босток», на ваше усмотрение.

— «Хлеб бедного рыцаря» для Императора? Вы сума-

²² Дословно «потерянный хлеб», французский аналог сладких гренок или тостов.

сшедшая?

— Он будет покрыт тонкой карамельной корочкой. Подам с шантильи²³, клубничным соусом и свежими ягодами.

— А что такое «Босток»? — уточнил он.

Ох, я же совсем забыла, что этот вид бриоши изобрели только в XX веке!

— Мы разрежем старую булочку, интенсивно пропитаем сладким ванильным сиропом с добавлением мараскино. Сверху отсадим крем франжипан и все запечем в печи. Затем при помощи раскаленной кочерги сделаем карамельную корочку. Будет и хрустящая текстура сверху, и сочная, нежная внутри.

²³ Crème Chantilly — это классические французские взбитые сливки с добавлением сахарной пудры и натуральной ванили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.